

365 ЗАКАТОВ *до моей смерти*

АНТОША + КЭМ. ♡
НАВСЕГДА

ИТАЛЬЯНЕЦ
ЛОХ

ЛИНА +
ХОТ ДОГ

ДАВИД +
ДИЛЯРА
= ЛЮБОВЬ

ЛЕСЯ ФЛОГИ

Леся Флоги

365 закатов до моей смерти

«Автор»

2026

Флоги Л.

365 закатов до моей смерти / Л. Флоги — «Автор», 2026

Что, если все, во что ты веришь, – ложь, рожденная страхом и одиночеством? А может, наоборот: ложь – это то, что называют реальностью? Эмилия Глацких – семнадцатилетняя девушка, обвиненная в серии убийств, которых не совершала. Единственный, в смерти кого она признается, – Парень-с-парковки. Но детали следствия не сходятся: тела нет, доказательств – ноль. И никто даже не уверен, существует ли Парень-с-парковки на самом деле? Анна Войнич – психолог-криминалист, помогает распутать этот загадочный клубок во что-то логичное, чтобы отыскать правду и помочь своей клиентке добиться справедливости. Но для того, чтобы снять с Эмилии обвинения и найти настоящего убийцу, Анне нужно глубоко погрузиться в историю жизни этой юной девушки. Где заканчивается психическая реальность Эмилии и начинается правда? Кто такая Эмилия на самом деле? И сколько закатов осталось до ее смерти?

© Флоги Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	9
***	12
***	15
Глава 3	16
***	22
Глава 4	23
***	28
Глава 5	29
***	31
Глава 6	37
***	39
Глава 7	40
***	42
***	47
Глава 8	48
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Леся Флоги

365 закатов до моей смерти

Глава 1.

Воспоминания. Август 2025 год.

— Я не опущу пистолет, пока не убью тебя.

— Так чего же ты ждёшь?

Наши дни. Ноябрь 2025 год.

К восьми часам вечера тучи над Краснодарским следственным изолятором сгустились. С приходом сезона дождей порывы ветра безжалостно срывали с пожилых клёнов вялые листья, и те вихрем уносились во тьму. Их шелест был неразличим из-за раскатов грома и завывающего ветра. Этим вечером все вокруг казалось шатким и непостоянным, кроме массивного здания из белого кирпича, одинокого, обрамленного на вид бесконечным терракотовым забором, и заискивающе выглядывающего из тьмы на подъезжающую к воротам машину. Колеса “Мерседеса” с трудом преодолели лужи на разбитой дороге. Их вязкое чавканье нагло притеснило отчужденную атмосферу. Дворники лихорадочно металась по лобовому стеклу, разметая непрерывно хлеставшие капли дождя, и кроме света фар в округе не было ни единого фонаря. Лишь блеклые лампочки мерцали на смотровой вышке за высоким кирпичным забором, окутанным густыми петлями колючей проволоки.

Для женщины лет тридцати, которой промокший водитель услужливо открыл пассажирскую дверь, главным источником света оставались вспышки молний, на мгновение окрашивающие тяжелое небо в слепящее серебро. Она бесцеремонно ступила лакированной туфлей в размытый грунт, раскрыла темный зонт, разрезая им холодные капли, и выпрямилась, облаченной в черную шелковую перчатку рукой запахивая грудь краем пальто.

После очередного раската грома она оглядела монохромное в тени вечера, многим известное здание Краснодарского следственного изолятора 5. В столь отдаленное место свозили малолетних преступников со всей страны после совершения ими тяжких преступлений. Для сотрудников СИЗО, встретивших полуночных гостей на контрольно-пропускном пункте, поступающие в отделение несовершеннолетние в первую очередь являлись преступниками, и лишь потом детьми.

Ровно в восемь стук каблуков по вымытой хлоркой плитке эхом прокатился по узкому коридору. По пути он постучал во все закрытые двери здания, оповещая здешних работников о прибытии известной им личности. Мокрый зонт был вновь собран и передан сопровождающему даму водителю. Эта женщина слыла безупречной пунктуальностью, и к каждому ее визиту подготавливали все необходимое для проведения бесед с заключенными минута в минуту.

Если бы каждый заключенный под стражу проходил беседу с ней, то женские каблуки не умолкали бы ни на минуту, неустанно ступая по вымощенной, затертой хлоркой плитке. Но ее интересовали лишь самые сложные случаи, доводящие разветвления ума до тупика, и преступники, чьи мотивы не укладывались в привычные схемы. Та, ради которой они прибыли сюда в непогоду, уже ожидала в комнате для допросов, очнувшаяся ото сна и не до конца пришедшая в себя после транквилизаторов.

— Психолог-криминалист Анна Войнич, — холодно представилась женщина, снимая свои перчатки и убирая их в узкий карман пальто, покрытого еще не высохшими каплями дождя.

— Анна, рады Вас видеть, — поздоровался лысый тучный мужичок средних лет в светлой униформе. Он словно возник из ниоткуда, держа в руках личное дело одной из малолетних заключенных. — Я новый начальник медицинской части, Игорь Литвин. Работаю сееделом.

Казалось, само ее имя было в этих стенах чем-то запретным. Каждый, кто произносил его, делал это с едва скрываемым презрением. Папка с документами перешла в руки Анны.

— Давно ждала встречи с ней, — озвучила она с пленяющим и неподдельным предвкушением. В ноздри прокрался аромат сырого картона. Пальцы брезгливо прошли по фотографии бледнокожей светловолосой девушки. И с очередным раскатом грома послышался возбужденный шепот: — Эмилия Глацких. Ну, посмотрим на тебя.

У железной массивной двери их ожидал конвоир. Понуры взгляд узко посаженных глаз не стал ни на каплю живее после того, как встретился с крупными, карими глазами Анны. В них плескался интерес, придававший виду почти нетрезвый блеск: запутанные дела опьяняли ее.

За дверью оказалась практически пустая комната с голыми светлыми стенами. Из поточной вентиляции тянуло холодом, глухое гудение разрезало тишину. Через нее внутрь проникала сырость, оседая на позеленевшей штукатурке. Холод, исходящий от стен, сковывал молодые хрупкие плечи. Щуплая фигура сидела на стуле неподвижно, уставившись в пол. Лица и шеи было не разглядеть, их скрывали опущенные волосы. Но через прозрачное стекло Анна поняла, что это именно она – Эмилия. Косая ухмылка промелькнула на розоватом лице, и женщина вошла внутрь. Дверь с грохотом закрылась, а девушка даже не дрогнула. Лишь только грудь едва заметно то вздымалась, то опускалась, выдавая дыхание.

— Здравствуй, Эмилия, меня зовут Анна. — Она слегка склонила голову, осторожно села напротив, и, сложив руки в замок, сказала: — Мне передали твое дело, и я не совсем понимаю, как ты здесь оказалась.

В ответ молчание.

— Ты знаешь, почему вообще здесь находишься? — притворно ласковый женский голос эхом метался от одной каменной стены до другой, словно теннисный мячик, нарочито нацеленный ударить прямо в белокурую голову девушки напротив.

Тонкие, сбившиеся в немытые клоки локоны прикрывали миловидное лицо, на котором еще не так давно поблескивали румяна. Сейчас кожа приобрела болезненный желтый оттенок, щеки осунулись, а впалые круги под глазами стали пропастью для когда-то поблескивающих серых глаз. Миловидность исчезла вмиг, как только она заговорила.

— Я нахожусь здесь из-за убийства... — не поднимая опущенной вниз головы, еле слышно прошептала Эмилия.

Слова с трудом пробирались сквозь иссохшее горло. Руки ее были скованы за спиной нагретыми металлическими кольцами. Слабый позвоночник едва удерживал сторбенное, почти безвольное тело. Казалось, если бы не стул, тощие ноги давно бы ее подвели.

— Повтори погромче?

— Я нахожусь здесь из-за убийства своего возлюбленного, — послушно повторила девушка и, не поднимая головы, бросила на Анну нечитаемый взгляд серых глаз из-под спутанных светлых прядей.

— Из-за убийства возлюбленного? Расскажи, как это так произошло? — спросила Анна с интересом.

Ее голос звучал четко, все с тем же грохотом ударяя по облупившейся когда-то белой штукатурке под высоким потолком помещения.

— Восемнадцатого августа две тысячи двадцать пятого года я его пристрелила, — буднично ответила Эмилия. И вдруг, словно услышав себя со стороны, глумливо рассмеялась. — Он был великим человеком для всех а для меня оказался великим засранцем.

Анна слушала внимательно, даже не скрывая интереса. Легкое недоумение не помешало ей кивнуть.

— Как его звали?

— Не хочу говорить

— Эмилия, — строго обратила внимание на себя Анна.

— Ладно. Допустим, пускай его пока зовут Парень-с-парковки.

Анна едва заметно мотнула головой, сдерживая ухмылку, и опустила взгляд к бумагам.

— Ты давно его знала?

— Всего пару месяцев.

— А если конкретнее? — попросила Анна.

— Мы познакомились в мае, число не помню.

— То есть это произошло после смерти твоих родителей?

Эмилия замолчала. Казалось, будто грудь остановилась на одном вдохе и замерла на месте. Серый взгляд, уставившийся в металлическое покрытие неопрятного стола, медленно перекатился на лицо Анны.

— Да, после их смерти, — сквозь стиснутые зубы отчеканила Эмилия.

— И, как утверждают источники, — продолжила Анна и перелистнула страницу личного дела Эмилии в поисках нужного абзаца, — в их смерти ты обвинила своего возлюбленного? Но расскажи мне, почему тогда в их убийстве на самом деле обвинили тебя?

— Я не убивала их! Сколько вам всем можно повторять? — для всех было неожиданно то, как перешла на крик Эмилия. Она подпрыгнула на стуле, но скованные руки притупили ее действия. — Вы психи! Вы все психи! Хотите запереть меня в дурке, накачали какой-то дрянью, напялили эту рубаху и еще делаете вид, что все по справедливости?!

Ожидающий у двери врач сделал один робкий шаг к заключенной, но суровый взгляд Анны убедил его не предпринимать никаких мер.

— Я так и знала, он все продумал! Он вам мозги прочистил, ха-ха, да.

Голос с каждым словом утихал, спина вновь прилипла к спинке стула. Эмилия затейливо улыбнулась. В глазах все еще горело бешенство и что-то еще, слишком глубокое, чтобы это можно было сразу понять.

Анна со скрипом отодвинула стул, выровняла листы легким ударом папки о стол и вышла, оставив после себя шлейф сладкого парфюма и эхо от стука каблуков. Следом за ней вышли конвоир и заведующий медицинской частью. Железная дверь с грохотом захлопнулась, оставив беспомощную Эмилию одну. Тонкие волосы на ее макушке дрожали под ритм прохладного, гнилого воздуха из вентиляции. Шея ослабла, голова снова опустилась вниз.

— Честно говоря, я ожидала большего, — произнесла Анна, обращаясь к мужчинам.

— Вы хотите сказать, что это простой случай? — с недоумением усмехнулся Игорь.

— Нет. Совсем нет. Просто иногда ответы лежат на поверхности. Стоит перестать искать в них сложность, и истина сама откроется нам, — плавно парировала Анна и потянулась к металлической ручке. — А сейчас позвольте поговорить с ней наедине.

Оставляя двух мужчин в раздумьях, Анна скрылась за тяжелой дверью.

Эмилия сидела так же неподвижно, как и тогда, когда Анна впервые вошла в эту комнату. Взгляд по-прежнему был направлен вниз, а волосы на макушке неустанно пританцовывали. Спустя одну ухмылку и три шага, Анна оказалась вновь за столом.

— Ну, — протянула она, — теперь ты можешь рассказать мне историю, которую не каждый достоин услышать.

Эмилия тихо усмехнулась, подняла взгляд, на этот раз прямо и открыто, и хрипло спросила:

— А ты думаешь, что чем-то от них отличаешься?

— Думаю. Потому что я тебе верю.

Шум вентиляции словно отступил. Анна слышала ее дыхание – ровное, почти спокойное. Казалось, что женщина слышала каждый взмах ресниц юной девушки, каждый глоток слюны, что с трудом скатывался вниз по пересохшему горлу.

— Перед тем, как я расскажу тебе, как все было на самом деле, могу я попросить стакан воды? — мягко и едва слышно спросила Эмилия.

Анна видела, как таял словно от огня ее холодный взор. Меньше чем через минуту мокрый неровный кружок красовался на поверхности стола, отражая свет галогеновых ламп, а сухие губы Эмилии жадно прильнули к холодному стакану. Послышалось довольное причмокивание, пустой стакан вновь оказался на столе.

— Это началось в детстве, — сказала Эмилия.

— Началось что?

Анна опешила. Видимо, не ожидала, что девушка так наскоро пойдет на уступки. В воздухе повисла пауза, и вскоре Эмилия озвучила:

— Проклятье.

Глава 2

Воспоминания. Октябрь, 2015 год.

— Конфеты или жизнь? — прокричала в унисон кучка детей.

Они стояли на крыльце чужого дома, вытянув вперед пакетики, и ждали, пока хозяин наполнит их чем-нибудь сладким.

В родном городе Эмилии Хэллоуин отмечали немногие. Взрослые ворчали про “проделки запада”, но каждый год находились смельчаки, готовые мастерить костюмы и ходить по домам. Светящиеся тыквы, дети в самодельных нарядах, страшные байки – все это делало вечер особенным, почти волшебным. К сумеркам ребята надевали свои костюмы, брали мешки побольше и отправлялись на “охоту”. Самые сообразительные начинали с коттеджных районов в первой береговой линии – там, где за высокими заборами жили люди побогаче. Казалось, сами их дома шептали: “У нас самые вкусные конфеты”.

“Толстопузые уроды, не способные даже зад за собой протереть”, — сетовала каждый раз мать, как только покупатель с набитым кошельком покидал ее магазин. Эмилия не понимала значения некоторых слов, но всегда послушно кивала матери. Ведь мама не может быть неправа.

Ребята вприпрыжку бежали от участка к участку, смеясь, перекрикиваясь и проверяя добычу. Тот, у кого в пакете оказывалась коробка “Рафаэлло”, становился главным. Тот, у кого звенели дешевые леденцы, плелся позади. Светловолосая девочка в костюме призрака шла впереди всех. Она перебирала пальцами сладости в пакете и первой ступала на газон очередного дома. Сделать такой костюм было проще простого: выпросить у мамы старую простыню, стащить у брата ножницы и вырезать дырки для глаз. И вот – самый “страшный” наряд готов.

— Так не честно, Эмилии дали “Киндер”! — возмутилась девочка-ведьмочка, мотая каштановыми хвостиками.

— Просто я умнее и шустрее вас, — выкрикнула маленькая Эми и поднялась по дряхлым деревянным ступеням к очередной двери, тут же неуклюже спотыкаясь.

— Растяпа! Ты просто всегда нагло лезешь вперед всех, — жалобно послышалось за спиной.

Перед ними стоял старый, неухоженный дом. Трава на участке давно не знала косилки, фасад осыпался, а окна с облупившейся краской смотрели пусто и холодно, навевали ощущение тоски. Крыльцо перекошилось, и доски скрипели под ногами. Но Эмилию это не напугало, она уже стучала в дверь. Вскоре, внутри послышался шум, дверь со скрипом приоткрылась.

— Конфеты или жи... — начали хором дети, но так и не сумели закончить угрозу, а лишь пооткрывали в немом ужасе рты.

— А ну, проваливайте отсюда! — заскрежетал неприятный голос.

Перед ними на пороге встала горбатая старушка в потертых тапочках, одним лишь своим видом неплохо перепугав малышей. Заметив, что сорванцы встали ровно, будто вбитые колышки, она распахнула дверь еще шире, на что та с громким треском ударилась об обветшалую стену. Кирпичная стружка повалилась на траву.

Выпучив маленькие глазки, дети торопливо рванули к дороге, успевая лишь, оглядываясь, спотыкаться. Все, кроме Эмилии. Она убежать не собиралась, лишь выше подняла подбородок и смело шагнула вперед. Внутри ее трусило, но мысль о том, чтобы утереть носы своим друзьям и получить больше всех сладостей проникла в ее голову и бесконтрольно сковала юный разум.

— Почему вы не хотите дать мне конфет? — дерзко спросила она и нахмурила брови, чего было не видно под неглаженной простыней костюма.

— Вы, невоспитанная, глупая шпана, слишком много себе позволяете!

Она указала кривым пальцем на Эмилию и ее друзей, чьи пятки уже сверкали за пределами участка. Эмилия не сразу услышала слова – ее внимание привлекло движение в темноте. Из коридора вышла кошка. Шерсть была ее черная, как смола, и лоснилась при свете уличных фонарей. А вокруг шеи был обвязан потертый красный ошейник. Кошка замурлыкала при виде незваного гостя и поспешила обтереться о новую, неизвестную ей пару ног. Старушка पुще прежнего разозлилась.

— А ну пошла вон! — закричала она и замахнулась морщинистой рукой. Дряблая кожа затряслась из стороны в сторону. Девочка растерялась, но увильнула от замашки. — Убирайся! Немедленно!

Полетел тапок, за ним второй. Сердечко в грудной клетке заколотилось от страха. Эмилия подскочила на месте, оступилась, зацепилась за гнилую доску и кубарем скатилась вниз. Пакет выскользнул из рук, конфеты рассыпались по траве. Простыня сбилась, опутав ноги. В страхе Эмилия вскочила и побежала прочь, не оглядываясь, и остановилась она только возле друзей. Без костюма. Без конфет. Одна из девочек подалась вперед и ткнула Эмилию в грудь.

— Вот и хвастунишка! — язвительно сказала она.

— Где твои сладости? Бабушка съела? — рассмеялся мальчик-вампир, и остальные ребята поддержали его хохотом.

Эмилия понимала, что не стоило хвастаться обилием конфет. Издевки со стороны ее друзей были обидными, но заслуженными. Она молча развернулась и пошла домой, ведь желанная вновь присоединиться к друзьям и наверстать упущенное совершенно не было. Эмилия, повесив нос и еле передвигая ножками, разозленно брела по знакомой дороге. Но стоило увидеть родной дом, как лицо немного оживилось.

— Эми, ты сегодня рано, — слышался голос матери из глубины дома, когда входная дверь закрылась.

Из-за прикрытой кухонной двери в коридор пробирался гомон из различных голосов, а яркая полоска света просочилась сквозь щель и, падая на прильнувшие друг к другу доски ламината, стала дорожкой для Эмилии. В ноздри настырно пробрался сигаретный дым, и повеселевшее личико вновь потеряло свою улыбку. Дорожка света стала шире. Из-за дверного косяка показался сначала кудрявый пучок светлых волос, собранный на скорую руку на макушке, а затем – вытянутое, пухлощекое лицо.

— А глаза почему на мокром месте?

— Я потеряла все конфеты, что собирала целый вечер, а еще меня обзывали друзья, — наигранно надув губы, промямлила Эмилия. Она знала, что мама всегда поймет и выслушает, поэтому умело пользовалась случаем, чтобы выжать как можно больше заботы. — Они сказали, что я хвастунишка и растяпа, а еще меня напугала тупая старуха.

Мама Эмилии присела на корточки, вытерла мягкими подушечками пальцев соленые слезы с румяных щек и покачала головой. И тогда Эмилия заметила, что глаза матери были, словно стеклянные. Она замечала, что иногда они становились такими. Как правило, когда вечером выходного дня или праздника полоска света прокрадывалась из кухни на ламинат в коридоре, проводя по себе, как по ковровой дорожке, какофонию голосов и сигаретный дым, мамы глаза были стеклянными, а дыхание – несвежим.

— О старших так отзываться нельзя, Эми. Это некрасиво, ты ведь не хочешь быть, как твои невоспитанные друзья? — нежно поинтересовалась женщина, наперед зная, что ответит Эмилия.

Девочка активно замотала головой и насупила светлые, едва заметные, бровки.

— Нет, не хочу.

— Ну и прекрасно. А теперь мой руки и садись за стол. Сегодня в гостях дядя Паша и тетя Лариса.

Дядя Паша и тетя Лариса – это еще одно обстоятельство, при котором глаза мамы стекленеют. Возможно, та прозрачная жидкость в бутылке, что они ставят на стол под одобрительный взглас отца, делает их такими?

— Но перед этим пообещай, что к той старухе больше не пойдешь?

— Обещаю.

Женщина поцеловала дочь в мокрую, но все еще холодную после улицы щечку, поднялась с колен и, прежде чем уйти обратно к гостям, потрепала Эмилию по макушке. Девочка призраком ловко прокралась мимо накрытого стола. Уже не нужен был костюм из простыни, ведь даже о чем-то спорящие отец и дядя Паша, казалось, не видели не только Эмилию, но и друг друга через остекленевшие глаза. И, закрывшись в ванной, смывая теплой водой с лица весь страх и ужас сегодняшнего вечера, Эмилия пообещала самой себе больше никогда не подходить к тому дому.

Ноябрьское солнце возвышалось над приморским южным городком, подглядывая за снующими по своим делам людьми. Оно изо всех сил старалось пригреть цветные макушки, как щедро делало это летом. Двор трех панельных пятиэтажек был практически пустой, не считая гуляющей с собакой девушки и двух беспрерывно болтающих женщин с колясками. Шелест листьев каштановых деревьев гулял по сухому асфальту, солнечная дымка заволокла горизонт. Воздух, хоть и теплый, был свежим и желанным, будто глоток ледяной воды в жаркий день. Он пробирался в широкие ноздри и морозил уже румяные щеки вернувшихся со школы детей. Те собрались магнитом в одну дружную компанию и пошли искать приключения на небольшую речку городского коллектора, что протекала в соседних дворах. Та огибала парк и выходила в море. Местные жители не раз подавали петиции и окружали здание городской администрации с жалобами устранить непорядок, но для “толстопузых уродов” те были прозрачными, невидимыми. Теми, кого не хотелось слушать и слышать.

Поэтому ходить по трубам на речке-вонючке стало довольно увлекательным занятием для детей, но Эмилия не могла с этим согласиться. Она сидела на сухом тротуаре во дворе рядом с исписанными местной молодежью гаражами и откручивала дополнительные колесики от своего велосипеда. Отец был вынужден согласиться с тем, что его дочь уже достаточно взрослая для того, чтобы кататься на двухколесном велосипеде. А раз уж он сказал, что Эмилия достаточно взрослая, то, как любят делать настоящие взрослые, Эми отказалась принимать у отца помощь и без всех знаний и опыта взялась за это сложное дело.

— Бросай все, Эмилия, — прозвучал хриплый голос за крохотной спиной.

Это был друг отца, от которого всегда пахло перегаром и машинным маслом. Он сидел на раскладном стуле возле открытых дверей гаража и, наслаждаясь холодными солнечными лучами, крутил в чумазой руке пустую стопку. Стекло бликовало на солнце, а заскорузлые мозоли на мужских пальцах поглаживали стеклянные, слегка влажные от спирта стенки.

— Не девчачья это работа, когда вырастешь и выйдешь замуж, еще успеешь настрадаться.

— Что ты пристал к ней? — ответил ему второй голос, более звонкий и родной. Отец Эмилии выглянул из-под чужой машины, звеня инструментами, и наскоро подхватил из-за своего уха сигарету. — Дай ребенку спокойно поиграть.

Когда отвертка и пара маленьких потертых колес были откинута в сторону, Эмилия поспешила скорее испытать навороченный велосипед.

— Давай, один круг по двору, — с качающейся во рту сигаретой скомандовал отец, как только поднялся на ноги. После того, как кончик его никотиновой палочки засветился от огня, он добавил: — Со двора выезжать опасно. Будь на виду.

Держа равновесие, Эми выехала на асфальт. Управлять навороченным транспортом было трудно, Эмилия часто падала, не проехав даже трех метров. Но под радостные возгласы отца и его друга она сделала целый круг по двору, объехала копошащуюся в грунте собаку и обогнала вышедших на дневной моцион женщин с колясками. Затем вернулась к гаражу, не спуская с лица широкой, редющей молочными зубами улыбки.

— Ты это видел? — радостно завопила Эмилия, притормаживая ногами рядом с уставленной на подъемник машиной. — Это так легко!

— Молодчина, — поддержал ее отец и ловко пульнул окурок в сторону. Затем наклонился к импровизированному на ящике с инструментами столику и поднял стопку водки, намеренный чокнуться с товарищем, чтобы скорее вернуться к починке машины. — Ну, давай еще кружок.

Эмилия закивала, словно болванчик. Она наскоро нащупала ступнями педали и взяла разгон. Велосипед все еще качался из стороны в сторону, норовя завалиться на бок вместе

с девочкой, но Эмилия не боялась. Она сделала еще круг, чуть не вогнав колесо в разрытую собакой яму, затем третий, четвертый. Два мужчины уже давно были увлечены чем-то своим, споря о том, как именно чинить то ли подвеску, то ли лонжероны. На пятом круге Эмилия остановилась. Она глянула в сторону отца, затем посмотрела на выезд со двора. Снова на отца, снова на выезд. Тонкие девичьи губки слились в одну сплошную линию от спустившейся на голову нерешительности. И, пользуясь случаем, Эмилия ловко повернула свой велосипед к проезду. Ее родной дом находился слева от выезда со двора, но Эмилия уверенно повернула вправо. Ее крохотную светлую голову посетила идея отправиться на водоем к своим друзьям, которые до сих пор катаются на четырехколесных велосипедах. Мысли о том, как они откроют свои рты от зависти не давали Эмилии покоя. Быть может, даже забудут о том, как она опозорилась перед старухой.

Речка находилась в самой низине песчаной дороги. Она проходила под склоном вниз через возведенные по бокам частные сектора, густую зелень и утыкалась прямо в трубу городского коллектора. С трудом доехав до окончания асфальтированной дороги, Эмилия со страхом взглянула вниз: маленькие силуэты ее друзей резвились вдалеке, освещенные ярким холодным солнцем, словно в тумане. Была не была, желание утереть носы друзьям на чаше весов значительно перевешивало страх перед крутым склоном. Удержав равновесие, Эмилия набрала скорость и так развеселилась, что забыла обо всем на свете, в том числе и об управлении. Вмятая тысячами проехавших машин песчаная дорога не казалась трудно преодолеваемой, и с каждым новым метром вниз крутить педали становилось только легче. Это очень радовало Эмилию. Страх плавно преобразовался в адреналин, а тот перешел в наслаждение. Но эйфория растворилась в осеннем воздухе с первой песчаной кочкой на дороге.

Когда появлялся страх, время начинало глумиться над Эмилией, растягивая до предела каждую секунду, проходящую через нее. Чтобы она сполна ощутила ее каждой клеткой тела и поняла уже в юном возрасте, как она дорога ей – каждая секунда жизни. Вскоре время и вовсе останавливалось, и все кругом замирало. Все, но только не она.

Эмилия поднялась с колен. Щека была протерта до крови, и алые бисеринки, появившиеся на траектории царапины, смешались с мелким песком. Прежде крутящееся заднее колесо велосипеда, что валялся в траве на обочине, остановилось. Пение птиц будто никогда и не звучало на улице. Шум листвы затих. Бегущие под командование дуновения ветра сухие листья остановили свой марафон. Тишина стала настолько заметной, что вызвала в ушах звон. Эмилия оглядела свои перепачканные ладони: каждое движение ими было размытым. В голове крутились мысли о том, как сильно будут ругаться мама и папа за побитый велосипед и за эти царапины по всему телу.

Она немало прокатилась кубарем вниз и теперь поспешила подняться выше, к велосипеду. Но внимание ее привлек стоящий в атмосфере поставленного на паузу дня дом, на пороге которого она была лишь однажды в последний день октября. Освещенный солнцем, он выглядел менее устрашающе, но оставался все таким же покинутым на вид. И лишь сморщенное лицо с вечно насупленными бровями и осунувшимися щеками почему-то не замерло со всем миром и наблюдало за ней из темного грязного окна.

Не успела Эмилия добежать до велосипеда, как увидела лоснящуюся черную шерстку и пресловутый потертый ошейник красного цвета. Но кошка не застыла со всеми остальными в моменте ужаса Эмилии, она застыла уже навсегда в реальном, динамичном и никогда не останавливаемом мире: переломанная шея с торчащими алыми хрящами была вдавлена прямо в след от колеса. Кровь бликовала на солнце и выглядела такой горячей, контрастной обнявшему тело страху. Пригревшись в сладком сне на песке, старая кошка оказалась прямо перед разогнавшимся велосипедом Эмилии и стала той самой кочкой, послужившей ее неудачному падению. Горячие слезы окутали глаза, позади послышался приглушенный детский смех, потихоньку стал задуть в макушку осенний ветер, застывшие в воздухе листья продолжили свой

полет. Мир снова воспроизвел жизнь вокруг. А вместе с этим противный, скрипучий голос где-то справа приближался с каждой секундой возвращения.

Еле найдя силы, чтобы наконец сбросить ледяные оковы страха, смотавшие ноги и руки, Эмилия кинулась к велосипеду. Вопящая от ярости старуха казалась ей намного страшнее, чем отчитывание родителей. Но к большому удивлению, за Эмилией старуха так и не поспешила. Приземлившись прикрытыми рваным халатом коленями на песчаную дорогу, она подхватила обездвиженное маленькое тельце скрюченными пальцами. Сморщенная кожа ее рук заблестела алыми бликами.

— Да ты знаешь, каково это – потерять последнее, что у тебя было в жизни? — закричала старуха, каждое слово проговаривая все жестче, смакуя их на гнилых, желтых зубах. — Да чтоб ты на своей маленькой шкуре потерпела все эти мучения, падла. Да чтоб они так же резко свалились все на тебя, словно из неоткуда! Будь ты проклята, мелкое отродье!

Прыснув слюной, старуха отдала свое внимание любимому питомцу, в последний раз согревая его на своих костлявых коленях.

Эмилия не собиралась отвечать. Выпучив глаза, она крепко держалась за велосипед. И все. Тело окаменело, ноги не слушались, язык потерялся во рту. Юную Эмилию это состояние напугало. В тот теплый осенний день она столкнулась с ним в первый, но, к сожалению, не в последний раз. И собственные ноги оттаяли лишь тогда, когда старуха взревела. Вопль прозвучал так звонко в тишине уходящего дня, сработав, как будильник, для скованного страхом тела. Эмилия отмерла. Схватила велосипед и, так и не выровняв колесо, шустро поспешила подняться в горку. Позабыв о том, как сильно в ее груди теплилось желание похвастаться перед друзьями, как сильно она боялась быть отруганой родителями за новые ссадины, Эмилия, будто самый опытный спортсмен, набирала скорость по направлению к дому и умело крутила педали. И сердце ее колотилось уже не из-за переизбытка адреналина, а от невыносимого ужаса, пережитого этим ноябрьским солнечным днем.

Наши дни. Ноябрь, 2025 год.

— О, нет, — протянула Анна, откинулась на спинку стула и закатила глаза. — Хочешь сказать, что эта старуха прокляла тебя на потери?

— Вы так смеетесь, словно боитесь поверить в это, — усмехнувшись, ответила Эмилия. Уголок ее потресканных, бледных губ приподнялся.

— Я верю только научным доказательствам.

— Он говорил так же, — обыденно, спокойно проговорила Эмилия, отзеркалив движение, откинулась на спинку стула и, не в силах пошевелить руками, размяла плечи. — Никакой мистики, только наука.

— И он оказался прав?

— А Вы в этом сомневаетесь?

Анна прочувствовала вкус игры, что затевалась между ними.

— Ни на йоту не сомневаюсь, Эмилия, — твердо сказала она и приблизилась к девушке.

— Но пока не могу понять, как можно научно оправдать твое утверждение.

— А Вам не так просто запудрить голову. Я тоже очень долго не могла понять этого.

— И как тебе это удалось?

— А Вы любопытная — Эмилия усмехнулась. — Тогда слушайте дальше.

Глава 3

Воспоминания. Май, 2024 год.

С тех пор, как Эмилия по своей невнимательности насмерть задавила кошку пожилой соседки, прошло девять лет. Детские страхи и воспоминания были стерты твердым ластиком новых впечатлений, а его резиновая крошка, оставшаяся на месте, где до того красовались четко вычерченные детские истории, была без толики трепета сброшена ребром ладони в неиспользуемые части головного мозга. Эмилия забыла перекошенный деревянный порог, насупившиеся редкие брови, сползающие по потерявшему молодость лицу, и ослепляюще блестящую на ноябрьском солнце смоляную шерстку. Были забыты и гадкие слова, сбивающие с толку и навевающие мурашки на коже щек. Эмилия просто жила беззаботной жизнью маленькой женщины, точно так же, как и ее сверстницы, познающие прелесть первого секса, школьных прогулов и дыма от сигарет.

Кухонные окна частного дома семьи Глацких были открыты настежь и приглашали внутрь громкую музыку, доносящуюся из дома напротив. Легкий майский ветерок тоже заглядывал в гости и теребил любимую мамину прозрачную тюль с вышитыми бутонами роз на каемке, что досталась ей еще от бабушки. Их тканевые лепестки нежно касались укутанных в атласный халат женских узких плечей и смущенно возвращались летать в душном воздухе. Не обращая внимания на ласкающие ее занавески, мама Эмилии, Анастасия Глацких, потягивала из чашки со сколом на ручке только что залитый кипятком кофе “три в одном” и внимательно наблюдала за младшим сыном соседа, вернувшимся из Краснодара на выходные. Тот таскал из открытого багажника отцовской машины пакеты с покупками и, завидев в окне соседку, неуверенно, но дружелюбно помахал ей.

— Эми, ты только посмотри, как он вымахал с того лета, — со всем воодушевлением обратилась Анастасия к блуждающей по кухне в растянутой домашней одежде дочери в надежде, что соседский мальчик привлечет ее внимание. — Помнишь, как в детстве ты ходила к нему играть во двор? Это он на тебе жениться обещал или Вадик, который этих как их с пятого дома?

Эмилии было совсем безразлично, насколько вымахали что сосед, что Вадик, ведь на мансарде, что раньше использовалась как чердак, ее ждали самые леденящие кровь сериалы со взломанных источников, чипсы с пивом, о котором не догадывались родители, и ее лучший друг Давид. Поэтому, заботясь лишь о том, как ухватить как можно больше газировки из холодильника, Эмилия поспешила вернуться в комнату.

Перед лицом всегда маячил магнитик с изображением Галатской башни. Никто из их семьи никогда не был в Турции, но магнитик, подаренный соседями по дому, со всей любовью был повешен по центру холодильника. И всякий раз, закрывая его дверцу, Эмилия молилась не прожить эту жизнь так, чтобы лелеять чужие магнетики из путешествий.

— Эми, ну подойди ты, — с глупой улыбкой на лице, не отрывая заинтересованного взгляда от окна, продолжила женщина и уже позабыла о своем кофе. — Я в твоём возрасте не успевала парней считать, а ты...

— А я – не ты, — огрызнулась Эмилия, не сумев сдержать в себе уязвимую, словно сбрызнутую лимонным соком рану, злость.

Хлопнула дверью холодильника, ненавистный магнит покосился. На дверце задребезжало стекло, и Эмилия разочарованно прикрыла глаза. Снова спрятали бутылку водки из виду. Девушка почувствовала, как закипает изнутри, и поспешила к лестнице, лишь бы не слышать мать. И когда правая нога застыла на лестничном марше, из соседней комнаты на грохот с разобранной удочкой выбежал отец – Сергей Глацких. Озадаченный мужской взгляд пролетел над заляпанными линзами припущенных до носа очков, а дым из сигареты, втиснутой между

потемневшими зубами, забрел в отросшую и местами поседевшую щетину. Затем он тайком пробрался на кухню и отвел внимание Анастасии от дочери на себя.

— А ты чего с сигаретой на кухню заходишь? — прикрикнула она на своего мужа, словно сама не выкуривала их в кухонную вытяжку после нескольких рюмок водки.

Молодой сосед и отсутствие романтических отношений Эмилии незамедлительно ушли на второй план. С напускным отвращением Анастасия махала полотенцем по кухне в старательных попытках малейшее количество табачного дыма выветрить в открытое окно.

— А чего вы расшумелись? Вот я и вышел убедиться, все ли хорошо, — оправдался Сергей, желая покинуть кухню без помощи семафорящего в воздухе полотенца.

— У меня занавески только из стирки, а ты дымишь!

— Да не впитают твои занавески за секунду дым, успокойся!

Казалось, что уже не Анастасия была увлечена соседями, а соседи стали увлечены бурной ссорой в доме Глацких, что нагло вываливалась через открытое окно без стыда всем на обозрение. Сергей отбросил удочку в сторону, на его шею вздулись вены, а мышцы налились кровью. Вывести из себя его было проще простого.

— В жопу твои шторы! — повысил тон мужчина, удерживая меж зубов сигарету, и со всей силы дернул занавеску с гардины вместе с парой колец под патетичный вскрик жены.

Смог завертелся вихрем под взмахом ткани, высвободился на улицу и устремился ввысь, пролетая мимо окон второго этажа и перемешиваясь с выходящим из окна Эмилии легким дымом вишневых сигарет. Скандалы на трезвую голову в семье Глацких — редкое явление. Но, как правило, любой трезвый скандал в их семье вел к заливанью эмоций алкоголем. Эмилия искренне не понимала своих родителей. Но одно знала наперед точно: если отец и мать в трезвом уме повышают друг на друга голос, значит, вечером можно смело ждать нарастания ссоры и укрепленного градусом продолжения.

Открыв дверь с ноги, чуть не уронив из рук банки газировки, Эмилия окунулась в свое укрытие. Давид лежал на спине на незаправленной деревянной кровати и, свесив голову вниз, курил прямо в комнате. Дым сигарет и благовоний с ароматом пачули, зажженных для отвлечения внимания предков, окутал пеленой небольшую комнату на мансарде и запутался в темных отросших прядях парня. Тайком пролетел мимо одноместной кровати, прошелся по одежде с припарковавшегося у окна рейла, купленного в одном магазине, еще при СССР, с прикроватной тумбой, заставленной сейчас пустыми банками пива. Заглянул на стеллаж и обследовал журнальный стол, который был для Эмилии обеденным, туалетным, письменным, а также являлся подставкой для ног в свободное время. И только после этого прошмыгнул в окно.

— Все хорошо? — поинтересовался Давид, как только кровать прогнулась под весом еще одного тела.

— Да. Это они еще трезвые, — со вздохом ответила ему Эмилия. — Колы?

— С удовольствием! — Давид выдернул из рук Эмилии металлическую банку, вторую руку сунул в шуршащую пачку луковых чипсов. — Самое время отвлечься. Я все же решил предложить Диляре встречаться.

Остальные три банки были вывалены на кровать.

— Это та, которая вечно хромает?

— Вообще-то, у нее вместо ноги протез.

— Реально? — завопила Эмилия и подпрыгнула на месте от удивления.

— Это очень сексуально! — От чрезмерной эмоциональности изо рта Давида посыпались обломки чипсов. Он шустро смахнул их рукой в кучку и под осуждающий взгляд подруги продолжил: — А что такого? Она будто из киберпанк-порно.

— Ты мерзкий, — констатировала Эмилия и на секунду задумалась. — Но судя по тому, как она на тебя поглядывала из очереди в буфете, будто решила вместо своего обеда сожрать

тебя глазами, то она не сможет тебе отказать. Тем более, раз у нее одна нога, шансов у нее немного.

— Какая ты мерзкая! — перевел стрелки Давид. — Ты просто завидуешь, потому что на тебя даже с двумя ногами никто не смотрит. Да будь их даже три...

Эмилия толкнула друга локтем в бок. Давид закашлялся, свернувшись криветкой от боли в подреберье.

— Если бы у меня было три ноги... То, я боюсь, на меня непременно бы все смотрели. Но дело не в количестве ног. Я просто не хочу внимания.

— Кого ты пытаешься обмануть? — Давид томно вздохнул, показательно закатил глаза и вернулся к свернутому в тлеющий пергамент табак так резко, что в ухе его блеснула на свету золотая серьга. — Страсть и любовь – это мой конек. Я даже с закрытыми глазами вижу, что ты не хочешь быть одинокой всю жизнь.

— Сказал мальчик, дrouchающий ночами на плакаты Тейлор Свифт

— Не трогай Тейлор Свифт! Это святое! — приказал Давид и оживленно принял оборону.

Но Эмилия не собиралась нападать и тем более заводить речь дальше: о количестве плакатов известной певицы и даже о подушке-дакимакуре с изображением Тейлор во весь рост.

— И не смей даже упоминать мою подушку...

— Я тебя умоляю, я ее вообще никогда не трогаю. Боюсь представить, что ты с ней делаешь!

— Прекрати. Мы ушли от темы, — напомнил Давид, нахмурился и сделал очередную затяжку почти истлевшей, позабытой сигареты. — Лучше посмотри, что с вай-фаем? Он всегда у тебя работает с перебоями.

— Дорогой, поверь, мой вай-фай стабильнее, чем ты в отношениях, — отыгралась Эмилия и потянулась к сигарете друга.

Привычки курить Эмилия не имела, но легкие, вишневые сигареты Давида всегда манили ее ароматом, когда парень шелестел начатой поутру пачкой.

— Тебе-то откуда знать, насколько я хорош в отношениях?

Эмилия закашляла.

— Не забывай, что все девчонки, желающие зависнуть с тобой, толпятся в очереди за советами от “фригидной подружки Давида”. — Эмилия изобразила в воздухе кавычки, сжав в уголке губ недокуренный сверток. — И жалуются, получив горький опыт с тобой, между прочим, тоже мне. И, поверь, очереди там намного обильнее.

Эмилия звонко расхохоталась и закашлялась вновь. Давид не был готов принять поражение так быстро. Добавив во взгляд добрых, карих глаз важности, сжал скулы и выхватил сигарету. Примерив вид важного джентльмена, практически не раздумывая, ответил:

— Вот и спроси при следующей встрече у Ди, насколько я стабилен. И приготовься менять придуманную тобой же статистику, крошка, потому что провал останется за тобой.

Белоснежные зубы, показавшиеся в моменте широкой улыбки, скрылись за пухлыми губами сразу же после того, как Давид закончил речь и потянулся потушить самокрутку о самодельную пепельницу из-под сахарных драже “Монпансье”.

— Спросить у Ди? Как это понимать? Только не говори, что у вас что-то было!

Схватившись за белокурую голову, Эмилия подскочила на кровати, повернулась к другу и угрожающе заглянула в уже стыдливо блестящие глаза. — Давид, не молчи! Ты же знаешь, что она всего в девятом классе.

— Крошка, умири свой пыл, — наконец ответил Давид и выставил ладони в свою защиту, — зато она точно согласится со мной встречаться. Ведь только полная дура после такого откажет мне.

В Давида полетела мягкая подушка. Золотистые кисточки защекотали округлый, горбатый нос, и показавшиеся в глупой улыбке белые зубы стали белым флагом в этой битве.

— Какие мы самоуверенные, — протянула Эмилия и достала из-под матраса банку дешевого пива “Жигулевское” из своих запасов, которые за оставшуюся сдачу, долго не думая, согласился им купить ошивавшийся возле круглосуточного ларька мужчина с приросшим к нему ароматом перегара. — Все, никакой колы... После такого только пиво.

Оторвав кольцо на крышке и сделав пару глотков, Эмилия прилегла рядом с Давидом на кровать, голову положила на его живот. Спустя недолгую паузу продолжила:

— Можешь кому угодно рассказывать про свои сексуальные похождения, но только я буду знать правду о тебе. Ты же самое моногамное существо на этой планете, Давид!

На безмятежном лице появилась добрая ухмылка.

— И не смей со мной спорить.

— Поверь, я даже не собирался.

Юноша еще больше расхохотался, слепо потянулся рукой за своей давно выветрившейся банкой пива и поспешил стукнуться ею с подругой в знак примирения после очередного бессмысленного спора.

Это был один из самых лучших дней в жизни Эмилии. Без пресловутых пьяных криков с первого этажа, без звона бьющегося маминого сервиза. Никто этим днем не вызывал ее вниз в роли переводчика для двух людей, что не могли донести друг для друга таких, на первый взгляд, понятных слов. Сегодня отец не высказывал Эмилии, какая плохая ее мать, а та не бросалась своими язвительными высказываниями об отце в лицо дочери. Был мирный день, коих можно было сосчитать на пальцах руки за последние месяцы, не говоря уже о всей жизни Эмилии, и поэтому на душе у нее правил штиль. Просто беззаботное времяпровождение, не обремененное целым рядом проблем, с которыми люди сталкиваются, когда называют себя “взрослыми”. Возможно, отрицание того, что однажды придется бросить сигареты, в тайне от родителей выкуриваемые дома, ящики пива под кроватью, приобретаемые остепенившимся возле ларька мужичком, инфантильную болтовню и нескитанное количество съеденных под просмотр сериалов снеков, и не давало Эмилии сделать свой первый шаг во взрослую жизнь. Эмилия была совсем не подготовлена к этому. Даже плачевный опыт заведения первых отношений не был пережит ею, если мокрый поцелуй с зубами за школой в первом классе с мальчиком-отличником не идет в счет. Если бы по окончании пубертатного периода Эмилия встала перед комиссией, оценивающей ее решения и старания за прожитые годы, то ее явно ждала бы пересдача.

Как ни были для нее нудны и пресловуты жизненные уроки, все годы одну скамью с ней делил темноволосый мальчишка по имени Давид. Несмотря на то, что во время лекций по половому созреванию он бил баклуши и рисовал на краях своего блокнота различного вида половые принадлежности, экзамен он сдал успешно, в отличии от Эмилии. Но их различающиеся друг от друга успехи не оценивали их дружбу и делали связь между ними только крепче с каждым прожитым днем.

Давид был тем самым человеком, которому Эмилия без сомнений могла доверить все свои мысли и переживания. Каждая слезинка, сбегаящая по ее щеке, впитывалась в ткань хлопковой рубашки Давида. А те, которым удавалось этого избежать, становились бесследно стерты сильной юношеской рукой с румяной осунувшейся щеки. Смех сквозь слезы — последствия после применения любимого оружия Давида, и теми “главными” в его артиллерии были безобидные, но столь глупые шутки, абсурд которых перекрывал абсолютно любое печальное событие в жизни Эмилии. И никто не мог подумать, что даже у такого оружия однажды закончится срок эксплуатации. Ведь, став немного старше, Эмилия поняла, что далеко не каждое неприятное происшествие можно сгладить глупой шуткой. Но даже когда из дула пистолета,

направленного на нее, вылетали не белые лепестки полевых ромашек, а свинцовые пули, Давид был рядом с ней. Как и в этот день, поначалу награжденный быть одним из лучших.

Вечером она уже сидела на кухне чужой квартиры, которая парадоксально была ей роднее, чем собственный дом. Давид сидел напротив, уминал битые огурцы и, забывая хорошо пережевывать, не моргая смотрел в экран телевизора. Окна были открыты настежь, и пришедший с моря теплый ветер беззвучно теребил прозрачную тюль. Эмилия устало ковыряла вилкой спагетти, совершенно не обращая внимания на эпичную сцену в “Мстителях”, так захватившую все внимание ее лучшего друга. Эмилия была вынуждена переночевать не дома, так как скандалом из-за штор в ее семье все не закончилось, как она и предполагала. Сергей не смог потушить в себе разгоревшийся костер эмоций и решил залить его спиртом. Но как мы знаем, спирт очень хорошо горит.

Теплый свет люстры поглаживал лоснящиеся локоны, а шкворчание мяса на сковородке, оставленного тетушкой Марьям, матерью Давида, перекрикивало монолог Железного Человека.

— Вы уже едите мясо? — тихо спросила Эмилия.

— Дак, конечно, — все еще не отрывая глаз от эпичной сцены, отрезал Давид. — Пост давно закончился. Мне так вообще по барабану. — Он положил в рот накрученные на вилку спагетти и, пережевывая, добавил: — Я только при родителях его придерживаюсь.

— Вот бы моим пост держать. Хотя бы несколько недель без этого кошмара, пожалуйста.

— Без обид, Эми, но ставлю свою девственность на то, что они бы не продержались без алкашки и неделю, — все же оторвался от экрана Давид.

— Девственность? Ты прикалываешься? — безынтересно протянула Эмилия в ответ. — Ты бы еще свои мозги поставил.

— Вот не надо мне, мозги у меня еще на месте.

И битва супергероев с Альтроном на экране, и битые огурцы вдруг ушли на второстепенный план. Во время рекламной паузы Давид предложил:

— Давай выйдем, покурим.

— Только недолго. Мне завтра на подработку выходить, хочу пораньше лечь спать.

Когда подъездная дверь с глухим грохотом закрылась за двумя спинами, крыльцо озарил свет вспыхнувшего в зажигалке парня огня. Он заменял перегоревшую пару дней назад лампочку над головами подростков, но тоже довольно быстро погас, как только табак в светлом свертке загорелся тусклым светом. Вылетающий меж тонких губ сигаретный смог устремлялся ввысь, но разбивался под каплями нещадного дождя. Все небо заволокли тучи, и Эмилия с Давидом стояли в крошечной темноте улицы, не успев еще привыкнуть к ней глазами. Барабанную дробь по металлической крыше подъездного козырька перебил девичий голос:

— Как же я ненавижу дождь! — сетовала Эмилия, ежась от холода и дожидаясь, пока ее друг докурит. — Как в фильмах люди могут так спокойно идти под ливнем, не раздражаясь? С каменными лицами, все такие дофига загадочные!

— Ну, смотри, обычно в сюжете под ливнем идут под какой-то драматичный момент, — незамедлительно ответил ей друг и сделал очередную затяжку, от которой кончик сигареты засветился ярче.

— Что-то в этом есть.

— Я думаю, если они морально опустошены, то уже никакой дождь не имеет значения.

— Но я правда не понимаю, насколько надо быть чем-то угнетенным, чтобы не обращать внимание на то, как твоя одежда намокает от сраного дождя? Как противно намокают волосы, а капли стекают по лицу. Фу. Отвечаю, обоссаться в штаны не так неприятно, как гулять под дождем.

Эмилия заметно занервничала от собственного монолога, будто бы представила, как сама мокнет. Давид на реплику лишь рассмеялся и ловко пульнул окурок в глубину ночи, игнорируя наличие мусорного бака у крыльца.

— Если однажды я увижу тебя с таким безразличным лицом под дождем, значит, Эми, твоя жизнь точно пала крахом!

— Ну, придурковатый!

Наши дни. Ноябрь, 2025 год.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — попросила Анна и опустила взгляд на папку с бумагами. — Давид – это тот самый парень, смерть которого списали на несчастный случай?

— На самоубийство, — поправила ее Эмилия, так холодно и резко, из-за чего взгляд психолога вновь устремился в серые безжизненные омуты напротив. — Но это неправда. Он убил Давида, я уверена в этом.

— Да твой молодой человек – настоящий серийный убийца, если верить твоим словам, — рассмеялась в открытую Анна. — А пожилая соседка наложила на всех проклятье.

Эмилия завертела светлой головой из стороны в сторону, пропуская из неподвижных губ слабо слышимый смешок недоверия.

— Ну вот как можно Вам доверять?

Анна едва заметно улыбнулась, заметив, как собеседница сменила тон, представляя обращение на “ты” не более, чем маской.

— Я не заставляю тебя мне доверять. Я предлагаю тебе это сделать по собственной воле.

— Нельзя верить тому, кто считает тебя сумасшедшей.

— Повторюсь, я так не считаю, Эмилия. — Взгляд Анны потеплел, а голос стал на тон тише. — Я наоборот здесь, с тобой, чтобы распутать этот клубок до логичного конца. Для этого мне нужно искренне понять тебя.

— Хах. Могу пожелать только удачи

Глава 4

Воспоминания. Май, 2024 год.

Лес свисающих с потолка освежителей воздуха покачивался от дуновения едва холодного воздуха из автомобильных вентиляторов. Ни одна из них не перебивала запах табака, въевшийся в обивку сидений отцовской машины. Конец мая выдался жарким, и единственным спасением для Эмили в ожидании ее родителей был лишь этот едва освежающий ветерок из пластиковых створок.

Она разлеглась на заднем сидении машины, закинув ноги на изголовье пассажирского сидения, и разглядывала над собой потертые наклейки от бананов и мандаринов, которые, еще будучи маленькой, лепила на потолок папиной машины, и танец пахучих елочек. Казалось, что они пляшут под льющуюся из магнитолы мелодию “Пропаганды” – “Мелом”, явно не пришедшую бы по вкусу ее отцу. Сам же мужчина ушел оплачивать солярку, а мать Эмили решила воспользоваться туалетом заправочной станции, оставив дочь наедине с собой.

Сегодня был день первой зарплаты Эмили. Девушка отработала в колл-центре целый месяц, старательно совмещая опыт работы с учебой в школе, и в преддверии летних каникул планировала выходить туда уже на полный день. И, не вслушиваясь в песню, девушка мечтательно в уме распределяла на свои прихоти полученные днем двадцать две тысячи рублей, что принесли ей холодные звонки. Эмили хотела купить новые кроссовки, а также билет на концерт ее любимой музыкальной группы. И, конечно же, половину заработанных денег отложить в копилку. Она ни на что не копила, но сам факт наличия собственных денег являлся для нее чем-то вроде спасательного круга среди бушующих вокруг нее событий. Возможно, Эмили хотела бы еще новые наушники, а быть может, новую гитару? “Нет”, — подумала она, — “лучше купить гитару со следующей зарплаты, так что...”

Из собственных мыслей ее вырвал стук в окно над головой. Эмили слегка подпрыгнула на месте и машинально скинула ноги с изголовья вниз, на резиновые коврики. От неожиданности сердце забилось быстрее – может, это был кто-то из родителей? Они явно не были бы в восторге от испачканных подошвой обуви сидений. Но как только девушка повернулась на источник звука, серые девичьи глаза встретились с чужими, невиданными ею ранее, светло-голубыми. Два лазурных кружочка, обрамленных смоляными длинными ресницами в миндальном разрезе глаз, спрятанных за прозрачными линзами очков, сквозь заляпанное стекло авто смотрели прямо на нее. Парень осторожно помахал Эмили, явно показывая всем своим видом безобидный настрой. На вид ему было около двадцати трех - двадцати пяти лет; и с какой целью он постучал в окно ее машины, было для девушки загадкой. Эмили жила в небольшом районе, где почти каждый местный житель знал семьи друг друга. И, выходя из дома, было сложно не встретить кого-нибудь из своих знакомых, порой даже на другом конце города. Эмили подумала, что это кто-то из друзей ее брата, но она не спешила опускать стекло или, тем более, открывать дверь незнакомцу. Через разделяющее их стеклянное препятствие она спросила:

— Вы что-то хотели?

Молодой мужчина лишь приподнял полукруглые, густые брови и, явно замешкавшись, одной рукой встрепенул копну черных волос, блестящих на солнечном свету, будто атласная ткань. На контрасте его загорелая кожа казалась болезненно бледной, а темные круги под глазами, которые не помогала скрыть даже темная оправа очков формы “панто”, прибавляли вытянутому костистому лицу усталости.

— У вас из-под машины что-то течет, — только и донеслось до ушей Эмили.

Она нахмурилась, продолжая пронзать взглядом незнакомца. Спустя время он повторил:

— Из-под машины. — Он указал рукой куда-то вниз. — Возможно, это антифриз.

Эмилия привстала на своем месте, придвинулась к стеклу, чтобы увидеть то, о чем ей говорил парень. Лужу ей было не видно, но покидать машину, чтобы проверить слова парня, она не торопилась.

— Я скажу об этом отцу, когда он вернется, — ответила Эмилия.

Незнакомец одобрительно закивал, из-за чего его приподнятая челка слегка повалилась на потный от уличной духоты лоб, и сделал шаг назад. Он не отводил от Эмилии взгляд, словно замороженный, и это лишь еще больше напрягло девушку.

— Конечно, будьте осторожны, — напоследок пожелал парень, неуверенно улыбнулся и, еще раз взглянув на напуганную девчонку, ушел в сторону своего красного авто.

Эмилия проводила взглядом Парня-с-парковки. И даже после того, как он скрылся за алой дверью, настороженно смотрела ему вслед. Ее серые бусинки глаз вновь встретились с двумя голубыми, но уже на расстоянии пяти метров. Эмилия почувствовала, как поалели ее щеки, и шустро отвернула голову. Но вскоре искоса и с огромным интересом вновь взглянула на парня. Он снова улыбался ей. Сидел за рулем своей красной машины и улыбался. То ли от неловкости, то ли от стресса, Эмилия сама расплылась в кривой улыбке. Но звук открывающейся двери отцовской машины заставил ее опять подпрыгнуть на месте. Анастасия бросила на заднее сиденье пакет с продуктами, попутно звенящий лежащими в нем бутылками, и с недоумением посмотрела на дочь.

— Чего улыбаешься?

Эмилия предпочла проигнорировать до болезненности знакомый ей звук и ответила матери:

— Подходил парень. У него такая красивая красная машина.

Мать оглядела заправку, но никого не увидела. Эмилия последовала ее примеру, но причины их диалога будто бы и след простыл. Девушка завертела головой из стороны в сторону. Но ни звука мотора, ни каких-либо других намеков на то, что Парень-с-парковки был здесь минутой ранее, не осталось.

— Он подошел сказать, что у нас из-под машины что-то течет.

Анастасия удивленно взглянула на Эмилию.

— Главное отцу не говори, что тебе об этом сказал какой-то парень, — посоветовала она.
— Скажи, что сама увидела.

Эмилия не понимала, зачем ей врать отцу. Тот факт, что он ревновал свою жену к любому столбу не означал, что Эмилия должна, как и Анастасия, все от него скрывать, чтобы не вызывать ни намека на новый наплыв ревности. Эмилия знала, что у матери есть любовник, но хранила эту тайну из-за страха новых семейных скандалов и поножовщин.

И тут, словно по сигналу, открылась водительская дверь. Сергей, между зубами держа еще не зажженную сигарету, кряхтя, прогнул под собой пружины сидения. Все, кто были в салоне авто, замолчали, будто бы уличенные в преступлении. Даже Владимир Клявин, басивший что-то про “особые планы” из магнитолы, завершил свою песню на фоне. Лишь елочки над головами продолжили раскачиваться из стороны в сторону, словно в отрицании увиденного и услышанного ранее, норовя не проговориться о Парне-с-парковки. Эмилия еще раз огляделась по сторонам, в окна машины, но ни алого нагретого на солнце металла, ни угольной, будто подгоревшей, шевелюры на горизонте и правда не было видно.

Дома Эмилия в очередной раз села пересчитывать свою первую в жизни зарплату, со всей гордостью сортируя бумажки по стопкам. Левая уйдет в копилку, средняя – в кошелек, а правая – на кроссовки и концерт. За дверью было едва слышно музыку, а громкая музыка с первого этажа никогда не ассоциировалась у Эмилии с чем-то веселым. “*Я могу обнять твое тело, и сказать тебе два-три слова*”, – слышался из-за стены напев из девяностых.

Ей хотелось взять домашнее задание и уйти к кому-нибудь из друзей, но Давид и Диляра не отвечали, другим своим знакомым девушка писать не торопилась. Она не любила писать

первой и всегда оставляла последнее слово в диалоге за собеседником. Это было что-то вроде ее спасительного островка. Ей было важно сбросить звонок до момента ответа собеседника, чтобы тот сам перезвонил ей. Все, кто хорошо знакомы с Эмилией, с пониманием относились к такой особенности девушки. Кто-то долго упрямился, но вскоре все как один позволяли Эмилие никогда не начинать диалог и никогда его не заканчивать.

— *Миражи*, — напевала себе под нос Эмилия, — *это наша жизнь...*

Поэтому, спустя десять минут ожидания ответа от Давида, она удалила сообщение у обоих собеседников, взяла в руки свои учебники и тетради, но за дверью слышались шаги. По звуку шагов девушка умела определять, кто из домочадцев сейчас постучит в дверь. С возрастом она научилась даже отличать шаги трезвого человека от пьяного.

За дверью стоял ее старший брат Кирилл. Судя по периодичности шагов и их глухости, Кирилл был трезв. Спустя мгновение дверь открылась чуть ли не перед носом Эмилие, и ожидаемый ею член семьи уверенно вошел внутрь без приглашения. Кирилл был худощавым, высоким парнем. Он много сутулился и хромал на одну ногу из-за подростковой травмы. Зубной ряд парня также редел из-за травмы, но уже не с юных лет, а с прошлых выходных, когда они со знакомым из соседнего дома не смогли поделить то ли девушку, то ли деньги. Собственно говоря, именно девушки и деньги были маяком жизни для Кирилла.

— Малая, дай два косаря в долг.

Прозвучал девичий вздох, тетради чуть не повалились из рук.

— Завтра верну, честно.

— Откуда у меня два косаря? — твердо спросила Эмилия и поспешила обойти своего брата, что был на голову выше нее самой, и выйти в коридор.

Но Кирилл шустро перешагнул и встал перед сестрой. В представлении Эмилие он был словно смесь слизня и шакала. Такой же скользкий, но юркий. Засунет свой нос всюду, где аппетитно пахнет. И сейчас заработать слюнные железы заставил аромат свеженапечатанных купюр из копилки девушки.

— Батя сказал, ты сегодня получила первую зарплату. Ты такая умничка, малая!

— Даже не пытайся подлизаться, не прокатит, — посоветовала с безразличием Эмилия и попыталась во второй раз увильнуть от брата.

Музыка с первого этажа стала еще громче, сливаясь с какофонией голосов, как знакомых Эмилие, так и неслыханных ранее.

— Да это не мне. Мама попросила, — признался Кирилл.

— Ты прикалываешься надо мной?

— Правда. Они хотели попросить тебя сгонять в магаз, но тебе же нет восемнадцати еще. Поэтому пойду я, — констатировал парень, ехидно улыбаясь. — Ну дай два косаря.

Эмилия была готова разрыдаться прямо на пороге своей комнаты на глазах у безалаберного старшего брата, но по какой-то неизвестной ей причине держалась. Эмилия умела говорить “нет”, но в глазах старшего брата, потерявшего себя в дурных компаниях и незаконных увлечениях, была рыбкой, висящей на крючке его уловов. Губы Эмилие задержались, глаза защищало от обиды, а голос задрожал на фразе:

— Это мои первые личные деньги. Я — ребенок, — уже громче сказала она. — Они просят в долг? Ты просишь в долг? А когда мне исполнится восемнадцать, как ты говоришь, первое, что они сделают, это пошлют меня в магазин за водкой?

Не дав брату сказать и слова в ответ, крепко держа подмышкой учебники и тетради, она резко повернулась к своей полке, выудила из книги Чака Паланика две бледные бумажки и жертвенно всучила своему брату. Не думая больше ни о домашнем задании, ни о кроссовках и концерте, Эмилия выбежала из комнаты. Спускалась она ступень за ступенью под чье-то коллективное пьяное пение с кухни.

— *Вся наша жизнь — это только мира-а-а-а!*

Эмилия хлопнула дверь и легким призраком выбежала на улицу, оставляя раздающиеся невпопад голоса и безалаберность брата где-то в прошлом. Шаркая резиновыми тапочками по гравию под ногами, минуя выстроенную в ряд армию садовых фонариков, девушка пошла в сторону бани. Их участок был небольшой, но всю их площадь занимал одноэтажный дом с мансардой в виде комнаты Эмилии, двухэтажная баня с рядом стоящими беседкой и грильницей и небольшой сад из яблонь и черешен, трава между которыми уже выросла до щиколотки. Травинки щекотали тонкую бледную кожу, а потревоженные кузнечики дугой пролетали перед несущейся к бане светловолосой девицей.

Здание из белого кирпича было окрашено в розовый уже садящимся на горизонте солнцем. Деревянная дверь отворилась со скрипом, в нос сразу пробрался аромат сухих веников, ранее замоченных в кипятке. В предбаннике было еще едва тепло после вчерашней топки, и девушка забралась на лавочку, укладывая на покрытый тканевой скатертью стол свои учебники. Свет уже не падал из небольшого окна, через стекло лишь пробирались полосы золотого света, словно узоры, на ткань и книжки. А вокруг – звенящая тишина. Не слышно было даже рокота кузнечиков и проезжающих вдали автомобилей по сухой, нагретой весенним солнцем брусчатке.

Около получаса Эмилия бегала светлыми глазами по черным полосам из букв, что в каждой строчке соединялись в различные слова и предложения пресловутого учебника по истории, но так и не смогла сосредоточиться на учебе. Глаза слипались, и силы покинули тело. Закинув ноги на лавочку и прикрыв их оставленным свежим полотенцем, Эмилия скатала второе полотенце в рулон и легла во весь рост, подложив его себе под голову. Несмотря на тишину и умиротворение вокруг, на душе спокойно не было. Ведь от того, что Эмилия одиноко лежит на банной лавке и считает взглядом мух, попавших под потолком в ловушки пауков, еженедельные пьяные посиделки ее родителей никуда не делись. И прямо сейчас, вероятнее всего, тратятся ее две тысячи рублей и несколько хороших будущих воспоминаний о ее подростковых годах. С этими мыслями в голове Эмилия постаралась уснуть, уже окончательно позабыв про заданные на дом параграфы по истории.

Эмилия открыла глаза, когда вокруг стемнело. Свет садовых фонариков едва освещал деревянный потолок бани тусклыми полосами, но стрекот кузнечиков и цикад из-за приоткрытой двери не резал слух, как обычно бывает вечерами. Сама не зная почему, Эмилия назвала это состояние затишьем перед бурей. Полотенце было откинута на пол, и девушка впотьмах встала на ноги. Как бы ей сильно того не хотелось, нужно было возвращаться домой, так как мурашки от холода испещрили все тело. Время на экране побитого телефона молча оповестило о позднем вечере, уведомлений от Давида все еще не было, лишь какой-то спам на почте. Шаркая ногами в сторону дома, Эмилия закрывала ненужные ей окошки на экране, но тут оглядела свои руки, по которым запрыгали двухцветные огни. Тыльные стороны ладоней поочередно окрашивались то в синий, то в красный. Они выскакивали из-за угла дома с одинаковой периодичностью, также наскоро затрепетало сердце в груди, а шаг ускорился. Чуть не теряя по пути тапок, Эмилия выбежала за угол дома, к переднему двору, и тревожность внутри нее возросла с новой силой. Ее словно оглушило, и все кругом уже не имело никакого значения, кроме мигающей лампы машины скорой помощи, что зачем-то припарковалась возле ворот ее дома.

Эмилия не помнила, как оказалась на кухне, ползая на коленях перед своей матерью. В голове до сих пор была звенящая тишина, а глаза словно обволок туман. Но не туман это был вовсе, а пелена соленых, горячих слез, через которые девушка смотрела в стеклянные, будто бы неживые глаза Анастасии. Женщина сидела на кухонном стуле, свесив руки вниз, к окровавленным коленям, а ее безразличный взгляд глядел в пустоту перед собой. Она даже не моргала. Печаль, прикрытая смирением. Из толстой кожи под ее коленной чашечкой сочилась кровь, поглаживая своими каплями застрявший там осколок посуды. Белая керамика стала розовой, и остальные части тарелки, словно раскиданные пазлы, валялись под ногами на кухонной плитке.

Эмилию в затуманенном состоянии оттащили врачи в синих легких куртках, чтобы освободить путь до Анастасии. Наступая на множественные осколки под ногами резиновой подошвой, Эмилия сопротивлялась, изредка скользя на них, а иногда и вовсе отпинывая подальше, к стенам кухни. Они кусающими волнами норовили вцепиться в ступни. Вокруг помимо битой посуды валялись кучки грунта и разбитые цветочные горшки. Зелень когда-то была предметом декора на кухонных подоконниках. А сейчас осталась лишь жалким натюрмортом, перетертым с землей под ногами покидающих этот дом пьяных гостей. Кто-то из них успел вызвать службу экстренной помощи во время начавшегося скандала. Кирилл тоже наверняка успел слинять до начала. Но теперь, кроме родителей Эмилии и врачей с участковым, никого в их затихшем доме не было. Медсестра, очистив перед собой пол, присела на колени перед Анастасией и принялась обрабатывать рану, чтобы вытащить осколок. Пострадавшая женщина никак не реагировала, ни одна мышца на ее лице не дернулась, когда сверкнувший при свете ярких ламп пинцет вытащил ромбовидный осколок тарелки из ее ноги.

— Мама, взгляни на меня, — умоляла ее Эмилия, топчась за спиной медсестры. — Пожалуйста, мама. Скажи хоть слово. Мамочка, пожалуйста.

Она тревожно потирала свои испачканные кровью руки, сплетенные вместе на уровне груди, и не переставала ронять слезы на воротник футболки. Из соседней комнаты доносился храп ее отца. Так просто и так безразлично.

Районный участковый, бросив полный безразличия взгляд на подростка, отодвинул от края стола пустые стопки и чудом выжившую тарелку с селедкой и, уложив перед собой папку с бумагами, попытался поинтересоваться у Анастасии о факте преступления. Но на вопрос, хочет ли женщина написать заявление на своего мужа Сергея о причинении вреда здоровью и факте домашнего насилия, Анастасия впервые отмерла. Тихое “нет” из ее уст сопровождалось громкими шагами вверх по лестнице. Эмилия не смогла удержаться и зарыдала, когда столкнулась с дверью в свою комнату. Не слушая просьбы медиков пройти в машину, не в силах больше на все это смотреть, она захлопнула за собой дверь и упала на запроленную кровать. Сердце все еще бешено стучало в груди, а слезы не переставали течь по ее бледному лицу.

Спустя минут пятнадцать потолок снова приобрел цвет вечерней синевы, избавляясь от мельтешащего на нем света мигалок. Скорая уехала, следом отправилась полицейская машина. И снова с Эмилией осталась поглощающая тишина. Прямо как в бане на лавочке несколькими часами ранее. Она не могла перестать думать о случившемся внизу, сна не было ни в одном глазу, несмотря на перешагнувшую за полночь стрелку настенных часов.

Так хотелось взять в руки гитару и вспомнить что-нибудь, наиграть тонкими пальцами по натянутым струнам знакомую мелодию, помочь ей разлиться по темной комнате, проникнуть в каждый уголок ноющей души. Но Эмилия боялась даже пошевелиться. Она боялась, что любой шум может разбудить ее отца. Спаситься от такой громкой для нее тишины наушниками тоже не получилось бы – нужно было быть начеку. Она не имела права пропустить ни единого настораживающего звука с первого этажа, чтобы успеть вовремя прийти на помощь, случись что. Она на страже. Поэтому девушка провожала ночь, пустой взгляд уперев в потолок, даже не в силах утереть уже засохшие дорожки слез со своих щек.

Наши дни. Ноябрь, 2025 год.

— Но что ты могла сделать? Ты же всего лишь ребенок.

Анна потерла переносицу, все еще не в силах переварить услышанное. На железной поверхности стола ютилась уже третья кружка из-под кофе, а ночь полностью обняла темными щупальцами здание СИЗО. Давно пора было завершить встречу, но Анна не могла оторваться от беседы с Эмилией, внимательно слушая все, что та достает из скрытых ото всех уголков ее души.

— Я словно привязана к ним на цепь с детства, — сообщила она, глядя на психолога, будто бы моля о спасении.

— Но их ссоры никак не должны тебя затрагивать.

— Вы не понимаете. Никто не понимает! — внезапно подняла голос Эмилия, но затем также быстро успокоилась. — Я всегда была посредником в их отношениях. Я – телефон, через который они пытались друг другу что-то донести.

— Господи, Эмилия ты же была ребенком. Так нельзя с тобой поступать.

— Вы не правы. Я была единственным взрослым человеком в этой семье, как сильно бы этого не хотела.

— Так получилось, что в детстве и в подростковые годы ты оказалась заложницей треугольника Карпмана. Это когда родители не просто меняются местами со своим ребенком, но и определенным способом делают его зависимым от них. К сожалению, не по его потребностям, — постаралась объяснить Анна, ярко жестикулируя. В окошко на двери за ее спиной постукали, но она не глядя отмахнулась, словно бы прося еще несколько минут беседы. — Ты все свои годы примеряла на себе роли жертвы и спасателя, но никто никогда не применял роль спасателя по отношению к тебе.

— И вы — мой спаситель? — усмехнулась Эмилия, явно ощущая от сказанного дискомфорт.

— Нет. Я здесь, чтобы помочь тебе избавиться от всех этих ролей и выйти из треугольника, в который ты заточена, даже несмотря на то... — Анна на мгновение запнулась, набрала побольше воздуха и, глядя Эмилиии прямо в глаза, продолжила: — даже не смотря на то, что твои родители уже давно мертвы.

Глава 5

Воспоминания. Май, 2024 год.

Эмилия стояла на балконе седьмого этажа серой, неприметной панельки. Одна нога была просунута между двумя железными прутьями, а локти, подпирая уставшую голову, давили в холодный металл забора, что разделял Эмилию от падения с высоты. С соседнего балкона еле слышно играла музыка.

“Слышу голос из прекрасного далека.”

В тусклых, заплаканных глазах отражался ярко-розовый кружок уходящего солнца.

“...Голос утренний в серебряной росе.”

Из-за зеленых макушек хвойных деревьев проглядывалось безграничное море, приглашая уставшее солнце окунуться в бушующие волны. Эмилия беспрерывно наблюдала за тем, как солнечный диск опускается все ниже, и ждала свою знакомую, что жила этажом выше, для прогулки. Честно, гулять ей не хотелось. Ровно настолько же, сколько находиться дома после случившегося.

“Слышу голос, и манящая дорога.”

Анастасия так и настаивала на том, что не будет писать заявление. А Сергея еще больше заводила безнаказанность. И когда мимо стеклянного взгляда с заторможенным морганием пролетел кухонный нож, она была все так же тверда в своем решении. Когда кровавые капли вновь в только им известном ритме ударяли о затоптанный пол, она не хотела писать заявление.

— Ты что говоришь, дура! — закричала во весь голос Анастасия ползающей перед ней на коленях дочери. — Его же могут посадить!

Эмилия затыкала полотенцем кровоточащую рану на предплечье матери, не распознавая четких краев прорезанной кожи из-за пелены слез. Анастасия грубо оттолкнула от себя дочь, но не успела поймать равновесие и упала на грязный пол. Эмилия рыдала взхлеб. Она вновь подползла к матери, умоляя ее поехать в полицию. Но женские руки ухватились за тонкие запястья дочери и, что есть силы, отшвырнули ее от себя. Сопли перемешались со слезами, из горла вырвался хриплый крик. Это все, на что хватило Эмилию. Сергей, молча наблюдая за разворачивающейся сценой посреди кухни, сидел на стуле и курил. Анастасию уже не заботили ее занавески. Она поднялась на локтях, неуклюже упали и разлетелись пустые стеклянные бутылки. Кровь все продолжала капать в унисон с солеными слезами подростка. Эмилия должна была делать уроки и готовиться к завтрашней контрольной по алгебре, но этим вечером ее не заботили логарифмы, она просто хотела, чтобы ее собственный отец не убил ее мать.

“...Кружит голову как в детстве карусель.”

Она выбежала из дома, не заботясь о верхней одежде. Схватив растоптанные кеды, порванные на правой пятке, Эмилия побежала к бане. Тело все еще содрогалось в истерике, нужно было срочно умыться. Дома она находиться больше не могла, — невыносимо. Сигаретный дым вылетал из приоткрытого кухонного окна, смешиваясь с душным майским воздухом, местами разрезаемый женским криком. Кирилл где-то шатался, не появляясь дома со вчерашнего вечера.

Эмилия позвонила в службу спасения. Под конец пару раз шмыгая носом, она умыла красное лицо ледяной водой, ладонью смахнув любой намек на слабость. Она тяжело вздохнула, убила пару липких мошек на руках и поспешила за пределы территории дома. Ей хотелось уйти как можно быстрее, лишь бы не попадаться на глаза скорой или участковому. Эмилия была юна, но не глупа. Два вызова второй вечер подряд — прекрасная приманка для органов опеки. Эмилия боялась, что ее однажды заберут. Дома ей было страшно, но кроме нее никто больше не сможет встать на защиту матери.

“Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко. Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.”

— Извини, что так долго, — слышался робкий жизнерадостный голос из-за спины. Тася, одноклассница Эмилии, спускалась по бетонной лестнице. — Бабуля попросила помочь закатать банки. Я ей говорю, типа, меня подруга ждет. А она все о своем, мол, неблагодарная. Ну, в общем, ты поняла.

Эмилия поняла. Ей некуда было торопиться. Она так и не отвела взгляд от уходящего солнца. Теперь оно ушло под воду уже наполовину, окрашивая волны Черного моря то золотым, то пурпурным цветом.

— Ну, пошли? — позвала за собой Тася, без подозрений оглядывая застывший на закате профиль подруги.

— Пошли, — с выдохом выдавила из себя девушка, и локти впервые за полчаса оторвались от холодного ограждения.

“От чистого истока в прекрасное далёко, в прекрасное далёко я начинаю путь.”

Отцвели последние цветы сирени, их бутоны уже не благоухали в ослепленных солнцем дворах, и на смену им вернулся желанный всеми аромат молодых, уже ярко-зеленых листьев. Наступили долгожданные летние деньки, когда старшеклассники освободились от переходных экзаменов, и теперь их ждали целых три месяца беззаботного отдыха.

Как только столбик термометра, уже много лет приклеенного к кухонному окну, поднялся выше тридцати градусов по Цельсию, родители Давида запланировали поездку на загородную дачу на несколько суток, как полагается у взрослых людей в жаркие дни лета. Доверчиво оставив под присмотр сына свою машину, что и без лишних потуг говорилось не только о ста грядках, но и о ста граммов внутрь с соседями по даче, они по очереди поцеловали Давида в обе щеки и незамедлительно захлопнули за собой входную дверь. И с этого момента соседи за стенкой принялись писать завещание, как был уверен Давид, ведь громкая музыка и гомон пьяных подростков чуть ли не до самого утра стали его основной целью на предстоящие выходные, как и полагается семнадцатилетнему мальчишке.

На часах было около девяти утра, солнце поднялось высоко над крышами бетонных зданий и не только грело мир, но и светило спящему на разобранном диване Давиду прямо в глаза, будь проклята эта солнечная сторона в гостиной. Коробка из-под подаренного отцу виски на один из юбилеев была безжалостно разорвана на кусочки, а сам опустошенный сосуд с небольшим скоплением янтарных капель на дне стоял возле дивана и завораживающе переливался на солнце. Дурно пахнущие слюны, скатывающиеся тонкой струйкой с уголков приоткрытого рта Давида, впитались за пару часов в ткань дивана и превратились в мокрое пятно, не уступающее по размерам от опухшего смуглого лица.

— Если ты не захлопнешь варежку, то случится всемирный потоп, и ущерб не сильно будет отличаться от того, что принесут нам тающие ледовые материки, — раздался знакомый голос над головой.

Давид попытался разлепить глаза, но поток света помешал ему это сделать успешно с первого раза.

— Эми? Что ты тут делаешь? — только и прохрипел не прорезавшимся после тяжелого сна голосом Давид, сощурил глаза и приподнялся на локтях, утягивая за собой тянущуюся от дивана слюну.

— Ну и несет от тебя. Только я не могу понять, это перегар или запах вонючего и не мытого несколько дней тела? — усмехнулась Эмилия, попутно подбирая фантики и пустые бутылки с пола.

К концу фразы Давид уже принял вертикальное положение и даже приоткрыл один глаз. Первыми, что он увидел, были оторванные с гардиной шторы с окна, позволяющие солнечному свету так нагло и без приглашения проползти по уложенному паркету и вскарабкаться на диван, раздражая своими теплыми лапами еще сонное лицо. Пятно от липкой алкогольной жидкости засохло на журнальном столике, купленном матерью в Грузии и привезенном домой своим ходом, потому что: “Где я еще такой увижу? Ведь у этого ножки из имеретинского дуба, выточенные еще до того, как он оказался на стадии исчезновения”. Из количества пустых бутылок из-под алкоголя можно было собрать вторую Эйфелеву башню, а остатками фаст фуда накормить все нуждающееся население материка Южной Азии.

Попутно раскрывая второй глаз, Давид попытался успех вспомнить, что же произошло минувшей ночью в его квартире. Только интересующий его вопрос зародился в расслаивающейся голове, как Эмилия опередила друга, отвечая:

— Неплохо отвисли сегодня. К счастью, последние люди ушли еще до шести утра, поэтому я без стеснений воспользовалась туалетом, потому что принесенные кем-то профит-роли, как видимо, были по акции.

Эмилия пожала плечами и прижала к груди собранный мусор.

— Я не помню ничего, — поделился Давид.

— И не удивительно, ведь ты успел накидаться еще до прихода первых гостей, — не отвлекаясь от своего занятия, констатировала Эмилия.

— Я и без них неплохо повеселился, — ответил Давид, потянулся, смакуя легкое растяжение окаменелых после сна мышц, поднял пустую тару из-под виски с попыткой высосать хоть один глоток и безуспешно передал ее в добрые руки Эмилии. — Хочешь, я даже помогу тебе прибратся?

— Буду не против, если ты сможешь мне убраться в твоём же доме, — съязвила Эмилия, улыбнулась одним уголком тонких губ и отправила собранный мусор в большой черный пакет у входа.

Сочащиеся сквозь толстое стекло лучи солнца ласкали бледную кожу Эмилии и щеко-тали появляющиеся на носу веснушки. Возмущения Давида по поводу оставленного беспорядка сместили Эмилию, и от растянувшейся по неотдохнувшему, но на вид бодрому лицу в уголках глаз выглянули застенчивые морщинки. Она очень устала за минувшую ночь, но эта усталость приятно сползала вдоль натянутых мышц тела вниз по ногам и скапливалась в конечностях, намекая на скорейший отдых, которого так желала на тот момент Эмилия. Ей очень повезло, что в ночь, когда находиться в собственном доме вновь стало невыносимо, Давид решил позвать друзей и устроить легкую, по его словам, вечеринку.

Из конца гостиной раздался телефонный звонок. Напевая что-то себе под нос и попутно вытирая руки о позаимствованную без спроса футболку Давида с изображением “Звездных Войн”, Эмилия не спеша зашагала за своим телефоном. Пресловутая мелодия из разрывающегося мобильного не собиралась заканчиваться, чем раздражала схватившегося за голову Давида. От высветившегося имени абонента на лице Эмилии непроизвольно образовалась наивная улыбка. Не успела девушка и слова сказать в трубку, как выражение ее лица стало меняться до неузнаваемости. Сжатые в улыбку губы разомкнулись, подбородок едва заметно затрясся, морщинки возле глаз разгладились, а взор округлившихся глаз безынтересно остановился на пришвартованном в углу комод. Было сложно не заметить, как побелела за мгновение Эмилия, из-за чего Давид вскочил с места, позабыв про потуги и головную боль, и со всей озабоченностью и тревогой подлетел к подруге в попытках прочесть по глазам, насколько серьезные новости ей только что поведали. Вместо ответа в уголках глаз появились мокрые слезы, глазные яблоки налились красным, — раздался первый, скомканный, но рвущий душу вскрик. Он образовался глубоко в душе, но столкнулся по пути в гортани с тяжким комом, перекрывающим дыхание, отчего из горла сумел вырваться лишь еле слышный хрип.

Телефон чуть не выпал из хватки дрожащих тонких пальцев, Давид успел выхватить его, но из трубки на тот момент доносились только рваные гудки. Позвоночник Эмилии обмяк, заставляя все тело неестественно согнуться, будто неведомая сила тянула ее тело к земле. Девушка упала на колени, прикрыла обеими ладонями раскрывшийся в немом крике рот и продолжила ронять на футболку горячие слезы.

— Ты можешь сказать мне, что случилось? — попытал надежду вытянуть хоть слово с содрогающейся на полу подруги Давид, его карие глаза переняли едва уловимое отчаяние, но, в отличии от серых напротив, собирались держаться.

— Отец, — только и вытатила из себя Эмилия спустя пару всхлипов.

Эмилия не смогла выдать из себя что-то большее, озвучить вслух то, что слышала по телефону минутой ранее. Казалось, даже от попытки сделать это, слова, препирающие горло, прожгут его будто паяльником.

— Куда ехать, скажи мне? — сориентировался Давид, не ожидая продолжения фразы.

Парень вмиг протрезвел, подскочил на ноги, накинул на себя первую попавшуюся рубашку, и пока он искал в ящике комода ключи от родительской машины, Эмилия ответила:

— Домой. Пожалуйста, домой.

И только после этого впервые свободно, безостановочно зарыдала. Давид сильными руками поднял ее на ноги, помог обуться. Сильно не заморачиваясь со шнурками, подтолкнул их внутрь кроссовок, поднял чужой телефон с пола и побежал вызывать лифт. До машины они добирались как в тумане. За все это время Эмилия не произнесла ни слова, роняя небрежно капли слез.

К десяти утра Давид повернул в сторону частных секторов, особо не следя за скоростью авто, которая явно превышала предписанную норму. Они ехали в тишине, салон заполняло лишь шмыганье носа и монотонные щелчки поворотников. Давид провожал взглядом уже знакомые ему на вид дома вдоль холмистой, залитой солнцем улицы, пока не заметил нужные ворота и белую входную дверь дома Глацких. Рядом стояла машина пожарных и скорая помощь. Соседи со всем любопытством облепили территорию, но трусили подходить ближе. Один рывок, и машина Давида неаккуратно припарковалась рядом, придавив пару молодых кустов юкки. Давид молниеносно покинул водительское сидение, чтобы помочь подруге освободиться от плена ремней, словно в поддерживающих объятиях окутывающих ее тело. Эмилия буквально вывалилась из салона. Встав на ватные ноги, спотыкаясь по пути и торопясь к своему родному дому, она проигнорировала соседей и обогнула пожарную машину: ее целью были родные. Неожиданно для нее открылась входная дверь, а на пороге показалась заплаканная мать. Она незамедлительно прижала к себе дочь и пуще прежнего расплакалась в унисон с Эмилией. Одноразовый платочек, что она сжимала в кулаке, мельтешил за спиной Эмилии при каждом содрогании тела от всхлипов. От матери пахло перегаром, но это последнее, о чем хотела думать девушка. Давид, все еще не понимая, что произошло, но явно догадываясь, топтался на месте возле открытых ворот и просто ждал. Он прорывал мыском своих кедров наможенный под ногами грунт от волнения. Передний двор был залит водой. Ее дорожки мелкими ручейками выплывали из-за угла здания. По двору ходили люди, но Эмилия не обращала на них никакого внимания. Послышалась сирена полицейской машины.

— Надо позвонить Кирюше, — только и пролепетала Анастасия в шею Эмилии.

Женщина была чуть ниже своей дочери и прижималась макушкой светлых, соломенных волос к покрасневшей и мокрой от слез щеке Эмилии. Девушка лишь активно закивала головой, еще сильнее прижимаясь к матери.

Давид отметил, что прошло около четырех часов ожидания. Все это время он слышал перешептывания соседей, разговоры работников экстренных служб и ритуальных услуг, и на долю секунды увидел прикрытое на носилках белой простыней тело. Оно мелькнуло в расстоянии от ворот до машины скорой помощи буквально на мгновение, но от одной этой картины по рукам пробежались мурашки, а самые страшные предположения в его голове подтвердились. Он отказался давать показания без согласия родителей потревожающему его следователю, также отказался от предложенной помощи сотрудника скорой. Из-под машины по-прежнему торчали длинные, зеленые листья юкки, где-то рядом с забором застрекотали цикады. Но когда на его колени легла тень подошедшего человека, внутри парня снова что-то оживило. Это была Эмилия. На ней не было лица. Опухшие глаза были красными, будто налитыми вином десятилетней выдержки. Нос был затерт от использования многочисленных салфеток, и девушка шмыгала им между слов:

— Мой отец погиб при пожаре.

Давид посмотрел за спину подруги, оглядывая новую на вид кровлю ее дома, но Эмилия перебила строящиеся в темной голове догадки:

— Баня сгорела.

Давид поднялся с места и молча принял подругу в объятия. Он круговыми движениями поглаживал ее спину, периодически нашептывая слова поддержки. Внутри испытывал полный ужас, но держался не показывать этого, чтобы не сделать хуже подруге. Он не требовал от нее слов, позволял в нужном ей темпе рассказать только то, что она сама захочет и сможет.

— Полицейский сказал, что виной всему непотушенная сигарета. Как это называется правильно? Смерть по неосторожности? Я не знаю, я запуталась...

Эмилия вздохнула, она старалась перевести дыхание. Заложенный нос не позволял ей говорить быстро и четко.

— Он снова был пьян. Он просто угорел от дыма. — Эмилия закачала головой из стороны в сторону, вновь ощущая предательское покалывание в носу от подступающей порции слез. — Мама тоже была пьяна. Она спала дома. Пожарных вызвали соседи. Но слишком поздно... Слишком поздно.

Прошло около часа, двор погрузился в тишину, исключая звонкое пение летних птиц и шум проезжающих мимо автомобилей. Двери машины были открыты, Давид облокотился на спинку сидения, свесив одну ногу наружу, а Эмилия расположила светлую макушку на его коленях и изредка всхлипывала. Глаза ее словно остекленели и смотрели в одну точку перед собой.

— Как ты? — все же заговорил Давид, заботливый голос донося до пожавшей плечами подруги. — Я понимаю твою горе. Я очень соболезную.

Не показывая опухшего от слез лица, Эмилия пробормотала другу в колени сиплое “спасибо”.

— Может, ты хочешь побыть с мамой?

Эмилия снова ответила Давиду безмолвно, но на этот раз замотав головой из стороны в сторону в отрицании, но спустя несколько секунд сопроводила свой жест фразой:

— Она поехала в участок. Давать показания.

— А тебе туда не надо?

— Меня опросили дома, — безынтересно ответила ему Эмилия. — Толку то, я видела его в последний раз вчера утром, когда он уходил на работу.

— Может, поедem ко мне? — с осторожностью предложил Давид. — Я не знаю, честно, как себя вести. И что я могу предложить, чтобы тебе стало лучше

— Просто будь рядом, пожалуйста.

После ответа Эмилии Давид молча подтянул в салон авто свисающую ногу, закрыл дверь и, стараясь не тревожить все еще лежащую на его коленях Эмилию, повернул ключ в замке зажигания. Всю дорогу до дома Давида они молчали. Эмилия ни думала совершенно ни о чем, тупым взором пялясь на пейзажи за стеклом. Она испытывала в эту минуту лишь стыд за само отсутствие чувств. Ни боли от утраты, ни стыда за то, что ее не было дома в эту ночь, чтобы суметь что-то изменить. Вероятнее всего Эмилия просто не осознавала, что ее отец погиб этой ночью. Или ей правда было все равно?

Спустя еще какое-то время Давид припарковался на прежнем месте у подъезда. Всю дорогу до квартиры обнимал Эмилию, боясь отпустить ее даже на мгновение. В комнатах было еще светлее, чем в момент пробуждения, а мусор так никуда и не делся. Давид выдвинул нижний ящик темного комода в своей комнате и из-под одежды достал две одинаковые бутылки домашнего вина.

— Ого, — наконец-то вновь заговорила Эмилия, — откуда домашнее вино?

— Моя нычка на крайний случай. Я тебе больше скажу, — начал парень, ставя перед Эмилией на журнальный столик две бутылки, — я его делал сам. На даче прошлым летом в сарае в тайне от предков. Но, я тебе так скажу, кто-то явно подпивал его, пока мы не ездили на дачу.

Эмилия впервые захохотала сквозь гримасу печали, что несомненно порадовало Давида, поэтому он решил не менять настрой:

— Я поставил бродить две пятилитровки в августе, а в ноябре у меня уже было словно отлито кем-то с каждой. Я либо плохо разбираюсь в физике...

— Химии.

— Либо, — словно проигнорировав Эмилию, продолжил парень, — кто-то из местных нашел мой сарайчик. Но не важно! Важно, что мы можем распробовать мои старания сегодня. Сиди тут, а я пойду принесу бокалы.

Давид будто растворился в просторных дверях, оставив Эмилию наедине с двумя неоткупоренными бутылками вина и навязчивыми мыслями. Смерть отца – это первая потеря в жизни Эмилии. Она изредка думала о том, каково это – прощаться с кем-то навсегда; но и представить не могла, что все настолько отличается от ее предположений. Она словно стоит на краю пропасти, но без желания прыгнуть вниз и без возможности сделать шаг назад. Она просто каждой клеткой тела проживает вселяющийся в ее тело страх, не в силах ему противостать.

С самого детства отношения отца и дочери не походили на пресловутые и традиционные. Сергей был увлечен своей работой, а по выходным рыбалкой, новостями по телевизору и собутыльничеством со всеми, кто был не против составить ему компанию. Он практически не обращал внимания на свою дочурку, на все ее успехи в школе, хорошие оценки, которыми она так желала угодить ему, лишь бы услышать в свой адрес похвалу. Но из раза в раз он лишь хлопал ее по плечу, словно парнишку, и посылал некрасноречивые слова гордости. А затем снова возвращался к телевизору или наполненной стопке. Поначалу Эмилия гордо задирала голову в ответ на слова папы, но когда ситуация стала типичной, девочка уже не тянулась хвастаться отцу, потому что знала, что ее снова похлопают по плечу, снова скажут какие-то сухие слова поддержки. И дальше стало только хуже. В день они могли обменяться парой фраз, что явно не являлось полноценным общением между отцом и дочерью. Поэтому девушка отчаялась в своих попытках стать ближе с Сергеем и также безынтересно и с холодом принимала тот факт, что они родственники, проживающие на одной территории.

Но сейчас, когда образ отца остался лишь на фотографиях и в воспоминаниях Эмилии, она поняла, как сильно дорожила этими ежедневными “доброе утро!” и “приятного аппетита”, этими гордыми похлопываниями, призрак которых навеки останется тяжким грузом на плече Эмилии. Никто больше не выйдет из кладовки со спиннингом в руке и зажатой между зубами сигаретой. Но еще никто не будет устраивать пьяные скандалы с рукоприкладством до приезда участкового.

— А вот и я, — развеял навязчивые мысли веселый голос. — Смотрю, ты смогла себя пересилить и не коснуться бутылки.

Давид достал из-за спины два фужера и пачку чипсов и поставил на стол рядом с вином.

— Прости, из чистой посуды дома только мамины бокалы для шампанского.

Но Эмилии было все равно, даже если бы Давид предложил ей пить из блюдца или сметанных пластиковых стаканчиков. Приметив отсутствие эмоций на лице подруги, Давид слегка потряс ее за плечо, укладывая свою молодую руку поверх призрачного следа ее отца.

— Все будет хорошо. Время лечит. А ускорить процесс поможет мое лечебное вино!

— Лечебное?

— Я его со всей любовью готовил, Эми, пусть оно только попробует не быть лечебным.

Девушка кивнула, сжала губы в тонкую полоску и, приняв уже наполненный красно-фиолетовой жидкостью бокал, опустошила его до последней капли.

Когда свежий воздух стал заполнять комнату через приоткрытое окно, позволяя уже надоевшим комарам пробраться в жилище, а на улице заметно потемнело, двое друзей пьяно развалились на кровати, посмеивались и вспоминали веселые моменты из детства и юности.

На столе тем временем осталась одна почти допитая бутылка, в головах сплошная каша из мыслей, а на сердце у обоих прикрытая пластырем рана.

— Помнишь, как лет в восемь мы соорудили водяные бомбочки, пробрались на стройку и кидали их с высоты на строителей? Потом мы убегали от них по всему участку, настолько разволновавшись, что и забыли, где находится проделанная нами дыра в заборе, — заплетаясь языком вспомнила Эмилия, глядя в потолок, на бьющегося о его поверхность комара.

— Да, в итоге в меня прилетело черенком от лопаты. Мы были вынуждены молнией перепрыгнуть через забор, — продолжил Давид, задумавшись.

— А когда решили на пляже поиграть в “Догони меня камень”, помнишь?

— Что это за херня? — нахмурившись, но через улыбку спросил Давид.

— Ты сам ее, между прочим, и придумал. Игра так и закончилась, не успев начаться, когда родители Макса увозили его в больницу зашивать рану на лбу.

Теперь Давид рассмеялся в голос, явно восстановив в своей памяти картину из прошлого.

— О, да, были времена. Интересно, как он поживает? Не виделись около пяти лет, если не больше.

— Я тоже не слышала про него с тех пор, как наша компания распалась.

— Да, повзрослели и разошлись, кто куда... Кстати, мне так нравилось всем вместе собираться, особенно колядовать или праздновать Хеллоуин, а потом всем вместе вываливать сладости в огромную общую кучу и смотреть ужастики, — воодушевленно поделился Давид. — Помнишь ту бабу, твою соседку, к которой мы всегда боялись подходить? Она же ни разу нам и не дала ничего из сладостей.

Эмилия погасила на своем лице улыбку.

— Ты еще ее кошку раздавила на велике. Так ей и надо! Не кошке, конечно... Кошку жалко вообще-то. Бабе так и надо. Ты такие байки травила про нее, просто ух, еще убегала при виде нее и... — заметив, как изменилась в лице Эмилия, Давид остановился. — Ты чего? Это же было давно, да и бабка та уже давно коньки отбросила.

— Ты прав, — подытожила Эмилия и вскочила, чтобы налить еще один бокал.

— Тебе лучше? — глядя, как Эмилия выравнивает остатками вина содержимое двух бокалов, спросил Давид и приподнялся на локтях.

— Немного. — Спустя недолгую паузу она продолжила: — Можно я останусь у тебя сегодня?

— Ты уверена? Но с твоей мамой нужно...

— Там Кирилл, — убедительно подала голос Эмилия. — С ней все будет в порядке. А я хочу остаться у тебя.

— Как знаешь, подруга, — помотав головой, согласился Давид и принялся слепо рыться по столу в поисках своего фужера. — В этом доме тебе всегда рады, ты знаешь.

Глава 6

По фойе раздался глухой щелчок замочной скважины. Провернув ключ три раза, Эмилия открыла входную дверь своего дома. Осторожно, чтобы не издавать лишних звуков и не разбудить мать и брата, она тихо пробралась внутрь. Как и полагалось, ранним утром, когда на улице еще не было ни одной машины, все спали. По крайней мере, так казалось Эмили до тех пор, пока в темноте коридора она не потянула рукавом своей кофты с комода корзинку с обувными щетками, и те с грохотом в сонной тишине рассыпались по коврику. Сердце девушки заколотилось сильнее, хотя после выпитого вина и вовсе будто намеревалось участвовать в гонках. Не успела Эмилия нагнуться, чтобы подобрать щетки с пола, как неожиданный строгий голос наполнил не успевшую вновь осесть на уши тишину:

— Ну и где ты была?

Эмилия замерла в попытках сообразить, откуда идет голос.

— Я спрашиваю, где ты была?

Кирилл стоял в проеме между кухней и лестницей наверх, он показушно оперся плечом о дверной косяк, но даже в темноте его очерченный едва выползающим из-за горизонта светом силуэт казался чрезмерно напыщенным и недружелюбным.

— Я была у Давида, — безобидно ответила Эмилия вполголоса.

С каждым вылетающим из ее рта словом она ощущала вину за свое отсутствие все больше. Глупое и детское решение — сбежать от проблемы к друзьям, когда твоя семья нуждается в поддержке не меньше тебя самой.

— Ничего, что твоя мать вчера стала вдовой? — уже громче сказал Кирилл, наконец оторвавшись от дверного косяка, и сделал пару шагов к топчущейся на месте сестре. Эмилия почувствовала запах спирта, исходящий от ее брата. — Ничего, что вчера мы потеряли любящего отца?

Эмилия была той, кто учится на своих ошибках. Но не как многие — она училась самостоятельно. Сама решала все у себя в голове, делала выводы, принимала вину. Без лишних комментариев чужих ртов, без лишних косых взглядов чужих глаз. И Эмилия никогда не умела находить в себе терпение, когда кто-либо тыкал ей в лицо ее ошибками.

— Любящего? — тут же слетело с девичьих уст саркастичное возмущение. — Да ты вообще когда-нибудь слышал от него искреннее доброе слово? Ты когда-нибудь ощущал, как ты выразился, отцовскую любовь? Да ему было насрать на нас!

Эмилия уже не заботилась о тишине. И в момент, когда первые лучи солнца принялись окрашивать розовым золотом горизонт, а напыщенное лицо ее брата было уже освещено пурпурным светом из окна, она не боялась быть громкой.

— Заткнись. — Одного слова было достаточно, чтобы наступила недолгая пауза между двумя родственниками. — Слышь, не смей так говорить про отца, берега не путай.

Анастасия, вырванная внезапной перепалкой своих детей от двухчасового беспокойного сна, уже вышла в кухню, встревоженно прижимая к груди пропитанный влагой носовой платок, пока Эмилия и Кирилл продолжали выяснять отношения, совершенно не замечая ее присутствия.

— Какой же ты глупый, — отчаянно произнесла Эмилия и схватилась за голову. — Кому, как не мне, ты говорил то же самое, когда он был жив? А сейчас, когда отца больше нет, ты резко переосмыслил всю свою сраную жизнь? И после этого я берега путаю?

Они были так похожи друг на друга: светлые локоны, словно цвета созревшей на летнем солнце пшеницы, идентичные друг другу серо-голубые колодцы в миндальном разрезе глаз, схожие овал лица и уши, но внутри, под всей этой внешней оболочкой, они были совершенно разные, будто два земных полюса.

Кирилл тяжело дышал, всматриваясь в вытянувшуюся в боевой готовности сестру. Правда заколола ему глаза, и все слова застряли в горле. Но внезапный шум из кухни, сопровождаемый томным вздохом, отвлек их от яростных перегибков. Они оба перевели внимание на звук и увидели неподвижное тело женщины, неуклюже упавшее возле кухонного стола. Перепугавшиеся Кирилл и Эмилия бросились к матери, подняли ее за руки и попытались уложить на угловой диван, казалось, уже позабыв про ссору, прошедшую между ними минуту назад.

— Она потеряла сознание, — констатировал Кирилл и кинулся в коридор к своей куртке, чтобы взять оттуда мобильный, но попался в ненарочно выстроенную ловушку своей сестры. — Твою мать, как больно. — Он пнул восвояси одну из обувных щеток, что обнаружил в темноте своей пяткой.

Эмилия не вникала в происходящее. Она сидела на корточках перед лицом своей матери и крепко сжимала ее руку, из которой та даже сейчас не выпускала своего платочка. Вид женщины был усталым, будто одна ночь забрала с собой десять лет ее жизни. Под закрытыми глазами уже образовались темные мешки, но кожа была бледной, даже на щеках не наблюдались привычные румяна. Под телефонный разговор где-то за спиной, Эмилия размышляла о худших временах, настигших ее уже неполную семью. Из погрузневших, блеснувших в свете заглянувшего в окно солнца глаз покатались слезы.

— Прости, малая, — раздался тихий голос где-то позади. Кирилл приземлился рядом с сестрой и робко приобнял ее за плечи. — Ты знаешь, что все мы переволновались из-за вчерашнего. Я дурак. Я просто сорвался. Прости меня.

Эмилия молча отпустила руку матери и слегка приобняла брата в ответ. Это касание далось ей с трудом, но было нужным.

— Хотя ему и правда было насрать на нас, — согласился он, — но он все равно наш отец. И я люблю его. И сейчас мы должны держаться вместе.

Почему-то ничего не кольнуло в сердце Эмилии от этих слов. Они не заставили ее задуматься о важном и тем более не пробудили желание стать частью всего того, о чем говорил Кирилл. Все свои осознанные годы девушка только и мечтала о том, чтобы избавиться от любого намека на присутствие семьи в своей жизни. И даже потеря одного из ее членов не могла поменять ее мнения и заставить пожалеть о своих желаниях. Определенно, боль от утраты проникла в девичье сердце, туша, словно свечу, любой намек на улыбку. Но запах алкоголя, исходивший от матери и брата, трезво напоминал ей о том, что нельзя группироваться даже посреди бедствия, необходимо оставаться маяком для самой себя.

Официальную причину наступления смерти Сергея зафиксировали как несчастный случай. В этот же день дело закрыли и перенаправили тело в морг. Как и полагается, похороны прошли спустя три дня после кончины. Анастасия была вынуждена взять кредит, так как никто в их семье не откладывал деньги на подобные мероприятия. Смерть была чем-то далеким для них, чем-то чужим. Словно это могло случиться у кого угодно, но не у них.

Утро в день похорон было хмурым. Завывал сильный ветер, он шатал молодые деревья, заставляя зеленую листву скорбяще шелестеть, и сдувал черные платки и вуали с лиц прощающихся друзей и родственников семьи Глацких. Изредка он заглушал речь священника, которую Эмилия и так не слышала. Скорее, она не слушала. Под аккомпанемент плачущих, она безотрывно смотрела на лакированный ящик из имитации красного дерева. Гроб был закрытым.

Теплый ветер позволял шелковистым волосам осторожными движениями снимать с осунувшихся щек редкие слезы, неприятно щекотать красный нос и закрывать обзор на погружение обугленного тела глубоко в холодную землю. Вместе с ним к свежерытой яме кинулась Анастасия. Пачкая колени своих черных штанов о влажный грунт, она заревела. И плач ее эхом разнесся над всеми молчаливыми крестами и памятниками. Какие-то мужчины вовремя ухватили ее за руки, не позволив прыгнуть в яму за мужем. И в момент, когда всем близким предложили кинуть последнюю горсть земли на крышку гроба, она обессиленно продолжала сидеть в грязи, утопая опухшим от нещадного града горьких слез лицом в испачканных ладонях. Эмилию сковало невидимыми никому ледяными цепями. Кирилл бросился к матери, обнял за миниатюрные плечи и разделил ее горе, но Эмилия с дрожащими коленями продолжала стоять на месте под пристальным укором десятков глаз. Кто-то порицающе мотал головой, не переставая утирать слезы, кто-то бесстыдно вслух ее осуждал за бездействие. И в этот момент ей стало по-настоящему страшно за себя. Даже на похоронах все вокруг пытались ответственность за поступки родителей сложить на хрупкие плечи ребенка. Девушка, как никогда ранее, ощутила одиночество среди множества бьющихся сердец. И в день скорби она обнаружила в себе облегчение с примесью тревоги.

Глава 7

Эмилию три месяца не отпускали эти чувства. Вцепившись в молодую грудь уверенной хваткой, они всегда плелись позади, будто тени в солнечный летний день. В детстве наверняка каждый ребенок играл в такую игру, как “убежать от тени”. Когда плотная туча медленно закрывала солнечный диск, а по освещенной светом поляне бежала длинная полоса тени, оккупируя каждый освещенный солнцем участок. Кто успел добраться до убежища, не задетый тенью тучи, тот и выиграл. Но вот во взрослой жизни никто не играет в игры, от тени уже не убегаешь. Ты в ней живешь.

Кирилла уволили с очередной одноразовой работы из-за частых прогулов или явок в нетрезвом виде на предприятие. Большую часть времени он не появлялся дома, останавливаясь либо у своей такой же одноразовой девушки, либо у не менее одноразовых друзей. Анастасия со дня смерти мужа так и не появилась на своей работе. Первый месяц ей писали справки и продлевали отпуск, на второй месяц, даже несмотря на смерть кормильца, стало проблематично прикрывать ее отсутствие. Вскоре, и женщина осталась без работы. Но это ее мало волновало, так как свое успокоение она нашла в алкоголе. Анастасия не отвечала даже своему любовнику, имя которого Эмилия не старалась запоминать. Круглолицый мужичок с поехавшим верхним рядом желтых зубов и уродской синюшной татуировкой на крупном, но дряхлом плече даже пару раз называл ее “дочей”, на что Эмилия кривила физиономию и с болью в сердце хлопала дверью.

Каждый раз она ждала, пока ее мать нагуляется, чтобы вернуться домой и появиться перед отцом вдвоем. Вместе не страшно. Вместе – значит меньше подозрений и скандалов в порыве ревности.

И в те времена Эмилия стояла на общем балконе панельной общаги, пальцем ковыряла крошащийся бетон, вчитывалась в надписи на стенах, датируемые примерно от даты рождения ее отца и выше. Обычно, засунув в уши дешевые проводные наушники, подобрав любимый плейлист из тоскливых русских песен, сидела на холодном, пыльном балконе, игнорировала выходящих покурить квартирантов и просто ждала, когда мама выйдет за ней и скажет “пойдем домой?”. Она никогда так не говорила. Всегда Эмилии приходилось нехотя стучаться в уродливую деревянную дверь с заткнутым бычками глазком, и умолять свою маму поторапливаться. Каждый раз проносило, когда они возвращались домой. “Если что, отцу говори, что мы были у тети Маши”, – говорила она. Или: “Скажи, ходили к врачу тебе справку в школу брать”, и так далее. И все, что Эмилии хотелось после таких вылазок, – это надолго закрыться в своей комнате, поглубже вставить наушники и погромче включить тот самый плейлист. Чтобы как можно меньше ныло сердце.

Эмилия впервые за долгие недели раздвинула шторы, позволяя пыли заплескать в головокружительном танце на лучах пробравшегося через призму стекла солнца. Она поднялась с позабытых людскими глазами поверхностей, чтобы в очередной раз напомнить всем, что жизнь продолжается. Эмилия ощущала эту жизнь. Она циркулировала в ее венах, вперемешку с кровью, иногда обжигая нутро, иногда холодя до мурашек вдоль позвоночника.

С началом последнего школьного учебного года в жизни Эмилии поддерживать в одиночку быт всего дома стало большой проблемой. Уборка и готовка после того, как мать окончательно запила, легли на ее плечи, а также она осталась единственным источником дохода, хоть и небольшого, в их семье. После пробуждения: завтрак, попытки накормить мать, дорога в школу, а после уроков сразу подработка в колл-центре. После заката: дом, уроки, выскабливание засохшего и нетронутого матерью завтрака в мусорку с тарелки, чистка картофеля на ужин или шуршание пачки макарон по всей кухне, затем – сон; и с утра все снова по кругу. Поначалу в этой рутине был пункт “отнять у матери бутылку и вылить содержимое в раковину”, но после

долгих и упорных попыток Эмилия сдалась. Она устала протягивать руку помощи в темноту. Даже если Анастасия и хваталась за протянутую ей руку, то не пыталась идти ей навстречу, а лишь ждала, когда Эмилия приложит все свои силы, чтобы вытянуть ее из этой темной ямы. Но Эмилия не готова была стать матерью в свои пятнадцать лет. Быть матерью для собственной матери – это неправильно. Именно по этой причине девушка все еще не смогла осознать до конца случившееся с ее отцом, и скорбь стала для нее ничем иным, как проявлением слабости.

Тем не менее, она вновь сидела у разложенного дивана, на котором похрапывала Анастасия, с тарелкой, полной вермишелевого супа на курином бульоне. Эмилия пыталась разбудить мать и заставить ее сделать хотя бы несколько глотков, но поставила тарелку рядом с опустошенной стопкой из-под водки и покинула комнату, оставляя лишь невесомый дымок одиноко и никому не нужно подниматься от тарелки к потолку.

Из кухни доносился звук льющейся из-под крана воды. За окном было уже давно темно, и тусклая лампочка, оставшаяся одна среди остальных перегоревших в люстре, освещала спину упорно натирающей грязную посуду Эмили. В голове не единой мысли, а руки машинально двигались по кругу, вспенивая тарелку за тарелкой. Усталость охватила все молодое тело, и Эмили вдруг захотелось заплакать. Она не могла позволить себе такой роскоши, ведь если она разрешит себе слабость, то некому будет встать ей на замену на пост сильного духом человека. Поэтому взгляд слегка намокших глаз бегал по белой керамике с позолоченной окантовкой, будто бы в последний раз фотографируя в память тарелку, которую Эмилия разобьет о пол спустя минуту.

— Я не хочу детей! — выкрикнула в пустоту Эмилия, и белые осколки разлетелись по разные стороны, отскакивая от кафеля. — У меня никогда не будет детей!

Одинокая слеза скатилась по осунувшейся щеке. Эмилия все же сломалась, но надеялась до последнего на то, что ее слабость останется никем не замечена.

— Я не хочу нести ответственность за кого-то кроме себя.

Девушка села на корточки и голыми, еще влажными от пены руками принялась собирать осколки когда-то целой тарелки. Она пожалела о содеянном, ведь моменты, когда она не удерживала себя в руках, напоминали ей в отражении в глянцевых осколках ее родителей.

Но если каждый раз упорно стучать в одну и ту же дверь, рано или поздно ты получишь ответ. Вот и Анастасия, однажды утром заставшая свою дочь за приготовлением завтрака, отворила перед ней двери своей комнаты.

— Ты сегодня в школу? — раздался хриплый голос со стороны спальни.

— Сегодня воскресенье, — ответила не глядя Эмилия и продолжала помешивать уже дымящуюся кашу по кругу.

— Тогда позволь, я помогу? Тебе наверняка хочется провести свой выходной с друзьями или за книжкой, — неуверенно продолжила Анастасия и предприняла попытки подойти ближе к дочери. — Как дела у Давида? Они уже вернулись с Абхазии?

Эмилия застыла. И, услышав приближающиеся шаги, осмелилась обернуться. Ей не мерещилось. Перед ней и правда стояла ее мать. Впервые за все эти месяцы, она вышла из комнаты в присутствии Эмилии. И сначала девушка не могла поверить своим глазам. При свете дня Анастасия выглядела иначе, чем лежа в вечно задернутой шторами спальне: исхудалое лицо, но под пожелтевшими глазами нависающие от отеков синяки, ноги, как две тростинки, а руки – костлявые и в треморе трясущиеся от похмелья. По ее взгляду было видно, что она стыдится перед дочерью своего внешнего вида, но отчаяние в них преобладало над всем остальным. Это был единственный раз за три месяца, когда женщина сама вышла на контакт за пределами своей комнаты.

Еще спустя время Анастасия смогла взять себя в руки, найти новую работу. Неофициальную, но для начала и это было неплохо. Эмилия могла сбросить со своих плеч немного бытовых обязанностей, брать меньше подработок и больше времени уделять слегка запущенной учебе и общению с друзьями. Дочь почти каждый день приходила под конец рабочего дня своей матери, чтобы вместе вернуться домой. Как и раньше, обсуждая по пути все свежие новости минувшего дня. Огибая парковую зону с персиковыми и сливовыми деревьями, Анастасия рассказывала Эмилии о том, как ее хвалит начальство, как заметно начинает ухаживать за ней один ее возрастной коллега. А девушка, в свою очередь, жаловалась на суровую учительницу литературы, порвавшиеся кеды и рассказывала сплетни об отношениях Давида и Диляры. И так за разговорами путь домой проходил практически незаметно. Сначала через пролесок, по вело-пешеходной асфальтированной дорожке, на которой вечно кто-то дорисовывал непристойности белым человечкам на разметке. Затем – вдоль железнодорожных путей, глядя на покрытый туманом горизонт. За гаражами, по правое плечо, каждый вечер жалобно скулила собака. А с левой стороны, из глубины пролеска, из которого вышли Эмилия и Анастасия, гукала сова. Под ногами хрустела намокшая галька, и хруст ее разносился эхом вдоль железнодорожных путей. Изредка навстречу по протоптанной тропинке кто-то шел, также коротая свой путь. Но в основном разговоры матери и дочери мог подслушать лишь сторожевой пес, неизменно скулящий за гаражами.

— Я порвала с Виталиком, — призналась как-то Анастасия, пиная мысками своих безымянных кроссовок черные камешки.

Аляпистый пластиковый пакет с черными ручками в ее руке покачивался, словно у школьницы. Казалось, она сама была рада это наконец сказать.

— Ох, — не найдя подходящих слов, выдохнула Эмилия.

Она была приятно удивлена таким новостям, так как Виталик (вот, значит, как его зовут) ей никогда даже на толику не нравился. А его “доча” из кривого, обрамленного недельной щетиной рта, она была готова забыть, как страшный сон.

Но одним темным вечером, во время обсуждения с Давидом домашнего задания по геометрии в переписке, они быстро ушли от темы, потому что Эмилия впервые за долгое время

была дома одна. Анастасия попросила дочь вместо того, чтобы привычно встречать ее с работы, остаться дома и приготовить ужин.

Давид Кеосаян: “Ауууу, ты уснула что ли там?”

Эмилия Глацких: “Честно? Да.”

Давид Кеосаян: “Я за это время уже две страницы решил)) Надеюсь, что ты повторишь судьбу Ньютона, и сейчас тебе на голову упадет какое-нибудь яблоко, и ты решишь мне третью страницу)”

Эмилия Глацких: “Давай там решай третью сам, а мне надо маме ужин приготовить... Я все на свете проспала Я сегодня впервые одна дома вечером осталась, меня никто не разбудил(”

Давид Кеосаян: “Не обкакайся там от страха”

Эмилия Глацких: “Будет обидно запачкать свои счастливые трусы, поэтому я постараюсь”

Давид Кеосаян: “Это те самые, в которых ты вытянула счастливый вопрос на математике?) Давай, поступим, как настоящие друзья: удалим переписку и забудем друг друга?”

Эмилия Глацких: “Ясно. Ты все еще завидуешь”

Эмилия Глацких: “Мне тут одиноко и страшно, а ты снова за свое! Тоже мне друг”

Эмилия Глацких: “???”

Давид Кеосаян: “Привет, знакомы?”

Эмилия Глацких: “Придурок!”

Давид Кеосаян: “Откуда ты знаешь мое второе имя???”

Эмилия Глацких: “Говорю же – придурок. Это не смешно”

Давид Кеосаян: “Зачем ты пишешь мне, таинственная незнакомка? Наша переписка пуста, и мне остается лишь гадать, зачем господь послал мне тебя?”

Эмилия Глацких: “...”

Давид Кеосаян: “Не многоточие на меня, барышня, мы еще не настолько хорошо знаем друг друга!)”

Эмилия захлопнула ноутбук и нахмурила светлые брови. Этот парень умел выводить из себя, но отчего-то усилившаяся в груди тревога не давала Эмили на него злиться. Поэтому, немного подышав свежим воздухом через приоткрытое окно, она снова открыла ноутбук.

Эмилия Глацких: “Если не прекратишь, я выложу в сторис твою фотку с голой жопой”

Давид Кеосаян: “Не ври, нет у меня таких фоток”

Эмилия Глацких прислала фотографию.

Давид Кеосаян: “Сигарета?...”

Эмилия Глацких: “Прямо между твоих булок))”

Давид Кеосаян: “Это я вижу, не тупой”

Давид Кеосаян: “Я был молодой и неопытный! Заснул на вписке, с кем не бывает?”

Эмилия Глацких: “Это было неделю назад”

Давид Кеосаян: “Я не виноват, что у мамы я не самый умный(”

Эмилия рассмеялась, но быстро вспомнила о своей маме.

Эмилия Глацких: “Кстати, моя мама до сих пор не вернулась с работы”

Давид Кеосаян: “Так это тебе на руку, у тебя же ужина все еще нет”

Эмилия Глацких: “Что-то мне не по себе”

Давид Кеосаян: “Может задержалась?”

Эмилия Глацких: “Они сменяются всегда в семь вечера. А сейчас уже десять. И телефон недоступен, наверное сел”.

Давид Кеосаян: “Звони Кирюхе”.

Давид Кеосаян: “И мне потом отпишись, че да как”.

Давид Кеосаян: “Главное не переживай без повода”.

Заметив, что Эмилия вышла из онлайн, Давид отправил ей еще одно сообщение, чтобы, когда девушка появилась в сети, ей не пришлось писать ему первой и оставалось только ответить. Он делал это уже на автомате, безо всякого труда, но никогда не спрашивал у своей подруги причину, по которой та никогда не пишет первой и всегда завершает диалог сообщением собеседника.

Дотянувшись до своего телефона, Эмилия отыскала в телефонной книге номер брата. Опустив взгляд на яркий экран, она долго решалась, тревожить в такой поздний час Кирилла или нет. Скорее, набиралась смелости позвонить первой. А в груди, в то же время, происходил целый переворот.

— Алло, зачем так поздно? — послышался томный, слегка хриплый голос на другом конце провода.

— Прости, просто мамы все еще нет дома. Может у тебя есть номер ее предприятия?

Эмилия нервно накручивала светлый локон на свой палец в ожидании ответа. Кирилл вздохнул.

— Ты уже не маленькая. Все есть в интернете. Найди номер и позвони, если хочешь. Но я уверяю, либо она шла и упала на бутылку водяры — На том конце послышался приглушенный женский хохот. — Либо еще не сменилась.

— Но уже три часа прошло, как...

— Все, не ной!

Не дав вставить и слова больше, Кирилл сбросил звонок. Менее тревожно у Эмилии на душе не становилось, но искать номер предприятия, на котором трудилась Анастасия, девушка не спешила. Если она осмелилась позвонить брату, то первой набрать чужой номер — это было ей не по силам. И, проглатывая словно горькие пилюли нелучшие предчувствия, Эмилия взяла гитару и села на подоконник, разглядывая сквозь бесконечную темноту каждый малейший намек на свет. Длинные тонкие пальцы умело перебирали шесть струн, и звезды, повыволзавшие на смоляное небо на зазывание легкой мелодии, в медленном, будто траурном танце принялись покачиваться из стороны в сторону. Одна из них упала, хвостом разрезая небосвод. И из этой раны просочился тот самый свет, та самая надежда, что совсем скоро хлопнет входная дверь, и знакомый женский голос начнет сетовать на неприготовленный ужин. Но, так и не дождавшись этого, Эмилия не заметила, как вновь забылась сном.

Давид Кеосаян: “Что-то ты совсем пропала. Ну что там?”

Давид Кеосаян: “Дрочишь?”

Давид Кеосаян: “В душе?”

Давид Кеосаян: “И без меня???”

Давид Кеосаян: “Ладно, извини но это уже правда не смешно.”

Давид Кеосаян: “Просто надеюсь, что ты уснула. Но знай, если бы не моя лень, я бы примчался к тебе в костюме Халка с желанием крушить и ломать”

Пока электронные часы на стеллажной полке не показали половину третьего утра, ночную тишину дома нарушало лишь мирное сопение Эмилии. Свисающая с ослабевшей тонкой шеи голова была прислонена к окну, и после громкого стука в дверь оторвалась от него так резко, что Эмилия чуть всем телом не слетела с подоконника. Девушка перепугалась, но очень быстро пришла в себя. Не подозревая о том, который был час, Эмилия босыми ногами спустилась по лестнице вниз и побежала в коридор, совсем позабыв об окутавшей ее устрашающей темноте. Стук в дверь ей не послышался, а значит, что с работы вернулась мама. И это было для нее в тот момент намного важнее собственной безопасности перед монстрами тени. Но как только замок щелкнул, костлявые плечи опустились, отяжелев под гнетом вновь свалившейся на них тревожности.

— Быстро хватай куртку, надевай кроссы и пулей за мной, — скомандовал Кирилл.

Парень выглядел уставшим, а недельная щетина и бесконечное похмелье добавляли ему возраста. Вечно хромающая нога его нервно подергивалась на пороге, а ноздри Кирилла заметно раздулись, пока он ждал действий со стороны сестры. И Эмилия поняла, что хороших новостей этим вечером не будет. Она словно вкопанная встала перед Кириллом с распахнутой входной дверью, в нарастающей тревоге собирая вокруг обнаженных щиколоток заискивающий ночной ветерок.

— Это еще зачем? — только и спросила она.

Вместо ответа Кирилл сам прошел внутрь, снял с вешалки куртку сестры и, также наскоро бросив ее в руки хозяйке, вышел из дома. Лунный свет очерчивал взъерошенную шевелюру Кирилла, и, не глядя на сестру, он сказал:

— На мать в парке напал какой-то ублюдок. Он избил ее и ограбил. Есть ножевые раны. Глубокие. — Он повернул свою голову на оцепеневшую сестру. — Врач сказал, маловероятно, что она выживет.

Эмилия не верила своим ушам. В голове крутилось лишь одно имя. И его голос, протягивающий “доча”, темным призраком охладил затылок. По пищеводу поднялся тошнотворный комок, напоминающий клубок, свитый из самых омерзительных догадок. Колени задрожали, а стопы в себя поглотил холодный пол. И даже когда Кирилл схватил сестру и поволок к ожидающей машине такси, они нехотя волоклись по земле. Буквально несколько часов назад все было так хорошо и спокойно, а сейчас? Сейчас Эмилия не думала ни о чем, кроме очередного фортеля, подкинутого судьбой. А ведь если бы она пошла встретить ее с работы Сердце, как бешеное, ударилось о ребра, и Эмилия мысленно упрашивала его выпрыгнуть наружу и в припадке завалиться на мокрый асфальт, чтобы болело где-то в другом месте, а не в груди. Руки пробила мелкая дрожь, а с бледных губ слетала тихая молитва. И ведь в Бога Эмилия никогда не верила, но когда жизнь прижимает к стене, в этом тупике остается только один путь — молиться.

Машина остановилась возле городской больницы. Наспех вынув из кармана мятые пару соток и бросив водителю, Кирилл выбежал из такси, и Эмилия последовала за ним. Через тяжелые стеклянные двери приемного покоя теплый свет падал на распластавшиеся по асфальту грязные лужи. В их отражении промчались две пары ног. Через дежурного врача Кирилл узнал интересующую его информацию и, получив назначение, они с Эмилией торопливо кинулись на третий этаж, где и находилась реанимационная. Их топот эхом отлетал от стен с облупившейся краской, подлетал к потолку, заставляя галогеновые лампы иногда мигать, и возвращался обратно. Он словно был доносчиком, разведывающим территорию. И как только две пары ног остановились на месте, ему стало ясно, что обстановка не была радостной.

Дальше коридора их не пустили. Эмилия была готова пробраться еще ближе, но Кирилл ее вовремя одернул. Крепко сжимая сестру в сильных руках, он наказал:

— Не глупи, ты сделаешь только хуже.

— Вечно я самая плохая, — огрызнулась девушка и резкими движениями рук освободила себя от оков.

Нервы были на пределе у обоих, но только Эмилия сломалась, снова прижалась к брату и зарыдала ему прямо в пропахшую дешевыми сигаретами грудь. Кирилл все еще тяжело дышал от минувшего марафона, от испытываемого стресса ноги становились ватными, хромающая нога вовсе заныла, но он держался и держал Эмилию. Вдруг, дверь реанимационной открылась. Время замерло. И две пары серо-голубых глаз, полные блеска надежды, устремились на мужчину в белом стерильном одеянии. Мужчина, хирург, увидев перед собой шестнадцатилетнюю девчонку, оробел и словно стыдливо опустил взгляд. Он ожидал увидеть кого-то зрелого, готовый поделиться новостями о состоянии Анастасии Глацких, но не ребенка. И, буравя мысы своих измученных временем кроксов, он вдруг заговорил:

— Мы сделали все, что в наших силах. Но... — Он сделал паузу, и этого хватило, чтобы, словно до того стойкие стволы, срубить под корень брата и сестру. — Раны были слишком серьезные. В четыре часа сорок минут Анастасия Глацких скончалась. Примите мои соболезнования, — закончил наконец он, совсем тихо, и еще раз взглянул сначала на Кирилла, затем на Эмилию, прежде чем уйти.

Все вокруг стало ненастоящим. Стены растворились, пол обрушился под ногами. Слезы, что стекали по захудалым щекам, не казались ни горячими, ни холодными. Даже Кирилл не заметил, как начал плакать. Эмилия нашла себя стоявшей на коленях, дрожащими руками прикрывающей свое заплаканное лицо. А в груди – дыра. Сердцу все же удалось улизнуть, но на душе не стало легче, как думалось Эмилиии. Зияющая дыра словно космическая черная заглатывала весь страх, весь ужас, всю эту боль. А вокруг ни звука, кроме криков и плача.

Сначала отец. Потом мать. Будто две сквозных пули, словно специально пронзающие плоть мимо жизненно-важных органов, потешно проникали в мягкие ткани и насыщались причинением боли Эмилиии.

Осознание дурили мысли, что все это – злая шутка. Что Эмилия проснется от кошмара, сидя на подоконнике, услышит стук в дверь. И вместо Кирилла ее там будет ждать уставшая от работы мама. Сетую на неприготовленный ужин, она сбросит в кухне сумки, откроет банку пива, на которую Эмилия даже не взглянет, и с тяжелым вздохом сядет в свое кресло. Все будет, как обычно, как бывало каждый день до этого.

Но этому впредь не бывать. Потому что все произошедшее – это реальность. Потому что Эмилиии больше некого встречать дома.

Наши дни. Ноябрь, 2025 год.

По фойе раздался цокот женских каблучков. Уже третий раз за последнее время эти туфли миновали хлорированную плитку.

— Вы еще не передумали брать ее дело? — глубокий, слегка низкий голос подпевал откуда-то из-за женского плеча.

Сделав глоток теплого свежесваренного кофе, Анна бросила острый взгляд на Литвина, что, как тень, плелся позади с момента, как Анна приехала на территорию. Картонный стакан согревал нежную, но сильную руку, но разум психолога-криминалистки оставался холоден.

— Это мой клиент, — отрезала она и вновь прильнула губами к пластиковой крышке, оставляя на ней невесомый вишневый поцелуй. — Подготовьте к одиннадцати утра один из кабинетов. А я пока освежу память записями с наших прошлых встреч с Эмилией Глацких.

— Прошу прощения, — оступился Игорь и все же оторвался от Анны, встав позади мертвым колом, — но подготовить для чего?

Анна тоже остановилась. Обернувшись, она посмотрела на Игоря, как на идиота.

— Для нашей с Глацких встреч.

— Исключено! — сразу же завопил фальцетом Игорь. — Для этого существует допросная. Она опасная малолетняя преступница, и я не могу так рисковать, потакая вашим желаниям, госпожа Войнич!

— Вы не потакаете моим желаниям, Литвин, не льстите себе, — промурлыкала Анна и медленным шагом поплыла вдоль коридора, оставляя после себя кофейный шлейф. — В ваших же интересах ускорить процесс и приблизить дату начала суда.

— А от меня-то вы что хотите? Я всего лишь заведующий медчастью, — весь затрясся Игорь, одной рукой поглаживая редющую макушку.

— Кабинет. В одиннадцать утра, — повторила Анна, прежде чем скрыться на лестничном пролете. — И два горячих кофе. Без сахара.

Глава 8

Солнечные полосы разрезали деревянную поверхность стола, пробираясь в кабинет через полуприкрытые жалюзи. В прорехах виднелся дымок, поднимающийся от двух стоявших на нем чашек кофе. Эмилия, окольцованная в запястьях холодными наручниками, без интереса вертела свою чашку по столу, указательным пальцем цепляя ее за керамическую ручку. При дневном свете ее кожа казалась не такой бледной, какую видела Анна на двух предыдущих встречах в допросной. И серые глаза сегодня блестели, а не безжизненными бусинами утыкались в стол. Быть может, Анне это показалось из-за бликов солнца, а, быть может, смена обстановки и правда сыграла свою роль.

— Дайте угадаю, — сквозь ухмылку, оголяя пожелтевшие зубы, начала Эмилия, — Вы тут позаботились об обстановке, кофе мне налили в красивой чашке и надеетесь таким образом втереться ко мне в доверие? Но Вы упустили один важный момент.

Анна насупила брови, оставляя выражение своего лица мягким и обезоруженным. Чашка с ее порцией кофе уже давно ютилась в руках, прямо напротив девушки в белой тюремной рубашке. В ответ Эмилия подтянула руки выше, все внимание Анны перемещая на наручники.

— А Вы бы доверились человеку, сковавшему Вас?

— Я тебя не сковывала, Эмилия, — тихо ответила ей Анна. — К сожалению, не я пишу эти правила. Но мой максимум на данный момент – это улучшить условия для наших бесед. Это место и этот кофе с искренними побуждениями от меня.

— Чей это кабинет? — по-детски озорно спросила Эмилия вовсе не по теме.

Анна оглянулась вокруг, словно это помогло бы ей понять, чьей энергетикой пропитаны стены.

— Насколько я поняла, это что-то типа комнаты ожиданий, — ответила Анна и пожала плечами с желанием вернуться к своим записям и продолжить минувший днями назад разговор.

— В комнате ожиданий Вы ожидаете от меня продолжения рассказа. В комнате ожиданий я ожидаю восторжествования справедливости.

— Знаешь, вне этой комнаты мы все продолжаем ждать чего-то. Всё не ограничивается четырьмя стенами. Если бы мы не ждали, жизнь не была бы такой интересной.

От громкой насмешки смоляная гладь в керамическом кругляшке взволновалась. Эмилия расплылась в лукавой улыбке, словно была готова вот-вот опровергнуть слова психолога, но вместо этого сказала:

— А кофе я не пью, зря старались.

Анна лишь глубоко вздохнула, опешив от привычки Эмилии шустро разветвлять разговор на отдаленные темы, словно кромсая на куски буханку хлеба и скармливая их голодным уткам. Но от голода здесь урчал лишь только растущий интерес Анны к своей клиентке.

— Могу предложить тебе чай?

— Она мне сегодня снилась.

— Старуха?

Анна быстро приноровилась к резкой смене темы и незамедлительно задала уточняющий вопрос. На него Эмилия лишь закатила глаза и показательно цокнула, словно сказала очевидную, но не понятую Анной вещь.

— Мать.

— Чем тебе запомнился этот сон?

Эмилия, словно не решаясь обронить даже слово, снова прильнула пальцами к чашке и безынтересно прокрутила ее вокруг своей оси.

— Она сказала, что их кровь на моих руках, — так тихо, почти себе под нос, прошептала Эмилия. Она словно боялась навлечь сказанной фразой на себя призраков прошлого. — Еще там было много крови. Очень много крови. Скажите, Вы верите в жизнь после смерти?

Анна пару секунд размышляла над вопросом.

— Сама я не верю. Но не оспариваю, так как многие находят в ней свое успокоение.

— Я не верю. И в Бога тоже не верю. Если бы все это существовало, то родители бы увидели, что во всем виноват он.

— Он – это...

— Парень-с-парковки.

— Парень-с-парковки, ага, — отрекошетила Анна и понимающе кивнула.

В деле об убийстве Анастасии Глазких циркулировало лишь одно имя – Виталий Долгопрудный. И то, мужчину долго держали под стражей, но в конечном итоге оправдали.

— Да, мужики-и, — низким тембром завывал он, запертый в обезьяннике, — я клянусь, я тут не при чем! Я даже не успел дойти до Заречья, чтобы встретить ее!

— С какой целью, Вы, гражданин Долгопрудный, в тот вечер преследовали убитую? — строгий голос следователя отрикошетил от кирпичных стен прямо в уши обоссавшегося от страха Виталика.

— Да я уже сказал! Свидание! Позвала меня на свидание! А я когда подошел, то уже мигалки мусорские... — По металлическим прутьям грубо прошла дубинка. — Прошу прощения, командир. Милицейские мигалки. Ну, я и присел чуток переждать.

— Переждал? — нагло ухмыльнувшись, спросил следователь.

Долгопрудный вздохнул.

— Переждал, блин, на свою голову...

В этом парке Долгопрудного и схватили. Правда, спустя уже несколько дней отпустили, сверив его показания с камерами видеонаблюдения. Один мужичок подвесил на свой гараж камеру, переживая, что кто-то таскает у него самогон. Воров он, конечно же, уличить не смог, зато обеспечил Виталику стойкое алиби.

Анна задумалась. Парня-С-Парковки она даже в мыслях привязать к этому делу не смогла.

— Но разве человек, признающий магию и проклятья, может с такой уверенностью отрицать наличие загробного мира?

— Я верю только в то, что вижу, — огрызнулась Эмилия и слегка подалась вперед, брякнув кольцами наручников под столом. — Последствия проклятия я видела. Я их, мать вашу, на собственной шкуре ощутила. А намеки с того света... Чушь собачья. Ничего нет.

— Я ни в коем случае не хочу усомниться в твоих словах, но я просто уточню. Черда смертей близких тебе людей – это все же проклятье старухи или дело рук твоего бывшего возлюбленного, того Парня-с-парковки?

— Кто из нас специалист? Я же человеческим языком уже несколько раз объяснила: та старуха наслала на меня проклятье, и оно осуществилось в его лице. Он оказался не в то время не в том месте, на той парковке, вот и попал в эту чертову ловушку.

— Я тебя услышала, Эмилия, — мягко отозвалась Анна и опустила взгляд на принесенные ею бумаги. Руки прошли по ребру белоснежных листов в попытке зацепить последние записи. — Может быть, ты хочешь еще поговорить со мной о своем сне? — В ответ Эмилия лишь едва заметно покачала головой. — Тогда пока предлагаю вернуться к теме нашей прошлой беседы. События годичной давности, после больницы.

— Мятный.

— Что, прости? — опешила Анна, замерев на мгновение с бумагами в руках.

Откинувшись вальяжно в кресло, Эмилия опустила плечи, уложила сложенные в замок руки у себя на коленях и повторила:

— Я буду мятный чай, зеленый.

Воспоминания. Сентябрь, 2024 год.

Заканчивался сентябрь, а Эмилия так и не соизволила покинуть свою комнату за несколько однообразных, серых дней. Она прогуливала учебу и почти все время спала. Похороны матери случились две недели назад, и это было самым ужасным, что доводилось испытывать Эмили. В ту ночь, в больнице, ей казалось, что хуже уже быть не может. Но она поняла, как сильно ошибалась с этим выводом, когда встала перед открытым гробом на прощальной церемонии. В момент осознания потери начинаешь задумываться о несказанных словах, о невыполненных делах. Все бывшие недомолвки и недопонимания, когда перед тобой гроб, кажутся такими пустяковыми и глупыми. И слетающее с потрескавшихся губ “прости меня” больше никогда не долетит до холодных, посиневших ушей, припудренных несколькими слоями. Оно повиснет в воздухе вместе со смрадом бесконечного сожаления, с каждой последующей минутой гния быстрее, чем труп под мерзлой землей. Захочется закопать его глубже, опустить на несколько метров вниз и присыпать землей, но его призрак навсегда останется преследовать тебя, ошиваться позади, заставлять ощущать его холодное дыхание в спину. “Прости меня” – это те слова, которые необходимы живым, а не мертвым.

Кирилл не брал Эмилию с собой в ритуальное агентство, ссылаясь на юный возраст сестры. Эмилия не знала, какую погребальную атрибутику выбрал парень, но когда он поздно вечером вернулся домой, то не проронил ни слова. Лишь к полуночи он встал с дивана, прекратив смотреть пустым взглядом в ребящий телевизор, и сухо кинул Эмили задание, перед тем как миновать путь до ближайшего ночного ларька:

— Погладь мамину погребальную одежду.

Больше он не проронил ни слова за весь вечер. Стоя над письменным столом, что служил заменой гладильной доске, Эмилия ожидала, когда погаснет лампочка на утюге. На поверхности наизнанку было расстелено темно-зеленое платье. Взгляд серых глаз бегло прошелся по швам, отмечая для себя вышедшие нитки и заштопанные дырки. Эмилия взяла ножницы.

— Разве ты любила это платье? — задала она вопрос в пустоту перед собой.

Ожидаемо, ответа не последовало. Он был ей и не нужен. Зеленое платье, сложенное три раза, отправилось на полку. На замену Эмилия достала бежевое в крупный бурый цветок. Анастасия не надевала его ни разу, храня до какого-нибудь важного события. “На свадьбу твою надену”, – однажды отшутилась она. “Нет”, – подумала Эмилия, стоя теперь наедине с собой и глядя на эти аляпистые цветы на штапеле. – “Не наденешь.” Она аккуратно отрезала бирки, каждую торчащую нить. Так скрупулезно, словно в приступе мании. Пока не убедилась, что платье выглядит идеально. Она тут же осеклась. Это последний раз, когда это платье выглядит идеально. Потому что уже послезавтра оно будет надето на труп ее матери. И этот факт заставил Эмилию возненавидеть каждый крупный цветок на ткани, каждый ровный шов тонкой бежевой нитки. Дыхание участилось, руки затряслись и сами потянулись к подвешенному на крючок платью, чтобы содрать его и скомкать, с глаз долой. Но так и не коснулись его. Дрожащие пальцы прошли в паре сантиметров от ткани, но, так и не позволив ее коснуться, сжались в кулаки. Этой ночью Эмилия не проронила не слезинки больше, слушая из-за стены переходящий на крик плач брата и звон битого стекла.

После похорон Эмили снились кошмары. Каждую ночь, каждый день, каждый раз, когда ее глаза закрывались, она видела различные варианты исхода событий убийства Анастасии. И в каждом из них Эмилия не успевала прийти на помощь. Подскакивая на кровати, протирая со лба холодный пот, с лихорадочно колотящимся в грудной клетке, брошенным всеми, сердцем она укладывала немытую несколько дней голову обратно на подушку. Сил не было, чтобы встать с кровати хотя бы в туалет, что уж говорить о походе в душ. Казалось, что для выполнения любого привычного ей дела нужно приложить титанические усилия.

Кирилл заходил дважды в день – утром и вечером. Иногда со своей новой спутницей Дарьей. Он оставлял на столе продукты, купленные на выплаты Эмилии по потере кормильца, а Дарья старалась что-то приготовить, чтобы накормить девушку. Несмотря на все это, парню тоже было тяжело. Он уповал на алкоголь в моменты проявления боли и слабости, но Даша, тощая девчонка с бледным лицом и русыми, редкими волосами до плеч, держала его в узде, не давала упиваться и заставляла работать. Ведь сохранение режима очень важно в моменты потери себя. Эмилии казалось, если бы не Даша, то Кирилл бы запросто повторил судьбу родителей.

Эмилия не чувствовала голода, не чувствовала жажды. Она воротила нос на теплые тарелки с едой, в первые дни даже разбивала о стену стаканы, что Кириллу пришлось купить в дом новый набор из эконом-магазина. Он пытался также разговаривать с сестрой, но всегда слышал только один и тот же вопрос: “Есть новости насчет него?”. Отрицательно качая головой, каждый раз не находя, что ответить, так как преступника до сих пор не нашли, Кирилл вздыхал и наблюдал, как крохотное тело вновь поворачивается к нему спиной и кутается в кокон из одеял, намекая, что разговор окончен. Эмилия была зла на мать за то, что та соврала о расставании с Виталиком. Если бы не назначенное свидание, то она могла бы быть жива.

Эмилия не спешила открывать двери, когда кто-то стучал, или отвечать на телефонные звонки, даже не глядя на имя звонившего. И сейчас ей составляли компанию лишь литровая бутылка воды, к которой она заставляла себя прикасаться, и ноутбук с наклейками супергероев. Сообщения в соцсетях были завалены пожеланиями соболезнований, ей писал даже одноклассник Дима, который тайно привлекал Эмилию. Но девушка не торопилась отвечать ему или кому-то другому. Исключениями стали ее друзья. Давиду было важно знать, что с Эмилией все в порядке, поэтому он был с ней на связи каждый день. Напоминал ей покушать и попить воды, заставлял проветривать комнату, хотя Эмилия к нему и не прислушивалась. Иногда он заходил к ней в гости, но, постояв перед закрытой молчаливой дверью, был вынужден развернуться и оставить после себя лишь пару пресловутых сообщений подруге.

После смерти матери все вокруг приняло оттенки серого. Ярко-голубые обои казались уже дымчато-бледными, а стоявшая на тумбочке открытка с прошлого дня рождения от Давида потеряла свой яркий розовый цвет и выглядела грязно-алой. Шторы были задернуты, в комнате все отдавало синевой, не готовясь встречать лучи восходящего солнца. Ладонь безынтересно водила по мыши, пока взгляд серых глаз петлял по экрану в поисках канала с интересными новостями, но вскоре он остановился, запнувшись о невиданное ранее сообщение. “25/365”

Эмилия никому не отвечала за эти дни, но сообщение с неизвестного профиля притягивало ее словно магнитом. Было отправлено ночью. Фотографии не было, имя пользователя состояло из спонтанного набора знаков, а вся информация скрыта от чужих глаз. Что-то внутри неприятно сжалось, тяжесть этого чувства сдавила органы. “25/365”. Выглядело, как какой-то отчет дней из одного календарного года.

Эмилия сочла сообщение ошибкой или чьей-то неудачной шуткой и удалила его. Девушка попробовала вернуться к поиску, но резко оторвалась от текста и устремила взор на прикрытую межкомнатную дверь, когда внизу что-то звонко разбилось. Эмилия перестала считать часы и запуталась в циркадных ритмах, но что-то ей подсказывало, что до посещения братом дома было еще рано.

Девушке пришлось сделать исключение и набраться смелости и сил, чтобы подняться с кровати. Затекая шею ныла, а ноги вяло шаркали по паркету. Кутаясь в крупного размера толстовку, что Эмилия откопала в отцовском шкафу, она спускалась ступень за ступенью вниз, боясь издавать даже малейший шум. На кухне явно кто-то возился, но в коридоре обуви брата не было. Сердце забило чаще от страха. Эмилия насторожилась, но продолжила спускаться. И как только она обнаружила причину своей тревоги, впервые за три недели кратко, но улыбнулась: среди валяющихся на столешнице пачек хлопьев рылся уличный кот черной раскраски,

а на полу лежали осколки нового стакана. Видимо, это пушистое чудо задело его, пока пробиралось к лакомствам. Но вот как он забрался в дом – было для Эмилии загадкой.

Она решила не тревожить кота и осмотрелась, так как давно не спускалась вниз – вокруг царил беспорядок, оставленный братом, что каждый раз в спешке не успевал ставить все на свои места. В раковине гора немытой посуды, на плите кастрюля с засохшей гречневой кашей. На подоконниках слой пыли, разбросанные зубочистки, а шторы, как и всегда, задернуты. Едва заметная полоска проникала через них, сразу же виновато бросаясь в ноги. Она была словно намеком на скорейший рассвет, но не на улице, а в душе.

Комната родителей была закрыта. Никто не осмеливался даже прикасаться к металлической черной ручке, соединяя свои отпечатки с отпечатками Анастасии в последний раз. Но дверь, ведущая в мастерскую отца, а затем в кладовую, была приоткрыта. Из небольшой мрачной щели веяло холодом. Заранее включив свет, Эмилия зашла внутрь. В ноздри сразу пробрался запах картофеля, сложенного в деревянной бочке в углу, и запах машинного масла. Как и догадалась девушка, кот проник в дом через ее тайную лазейку. Тайной она на самом деле не являлась, но по привычке из детства, во время игр в шпионов, Эмилия называла ее такой до сих пор. Двери из мастерской в кладовое помещение не было никогда, несмотря на то, что с улицы в дом можно попасть также через небольшое окно, спрятанное за стеллажами с банками и закрутками Анастасии. В свои десять лет Эмилия разбила его во время игры в мяч, но с тех пор никто так и не вставил новое стекло, просто прикрыв голую деревянную раму шкафом с другой стороны. И Эмилия, в силу своей небольшой комплекции, отлично пролезала в него и в свои шестнадцать лет. А кот тем более.

Закрыв дверь в мастерскую, минуя кота с трясущимися от удовольствия ушами под чавканье оставленными Кириллом сосисками, девушка побрела в ванную. Холодный кафель заставил армию мурашек маршем пройти вдоль позвоночника, а резкий свет лампы – физиономии скривиться. Овальной формы зеркало было заляпано брызгами воды и зубной пасты, давно никем не протираемое, и Эмилии было сложно разглядеть в нем себя. Она трепетно терла его длинным рукавом, пока не смогла увидеть знакомые черты лица. Под глазами образовались заметные мешки, волосы спутались, поблескивали от скопившегося жира на свету, лоб испещрили красные прыщи, оттенок кожи стал болезненно-зеленоватый, а сами глаза, казалось, навсегда потеряли свой небесный блеск, утопая в пучине серости.

Закатав рукава, Эмилия умылась ледяной водой, придавая лицу ощущение долгожданной свежести. Капли свисали с подбородка и носа, стекали по шее и локтям под толстовку. Она в очередной раз, под звук льющейся из крана воды, взглянула в свое отражение. Но от мыслей жалости к себе ее отвлек стук в дверь. Если бы это был Кирилл, то он бы открыл ее своими ключами, а значит, за дверью стоял кто-то неожиданный.

— Привет? — робко поздоровался Давид, явно не ожидая, что кто-то откроет дверь.

Парень привык пять минут топтаться перед домом и уходить с оставленными Эмилии сообщениями, но в этот раз он был приятно удивлен и даже обескуражен, когда сама Эмилия предстала перед ним. Она выглядела “откровенно фигово”, как подумал парень, но старался не подавать вида, что обратил внимание.

— Привет, — сипло, как несмазанное колесо, поздоровалась в ответ Эмилия, вытерла остатки влаги с лица прямо рукавом и пошире открыла дверь, немым жестом приглашая своего друга войти.

Давид не планировал задерживаться дольше обычного, торопясь на учебу, но при таких обстоятельствах решительно прошел внутрь и сам себе пообещал оставаться с Эмилией ровно столько, сколько будет нужно ей.

— Я так скучал по тебе, подруга. Выглядишь не очень, — все же сорвалось с пухлых губ. — Но это ничего. Я все понимаю и не осуждаю тебя. Погоди, — вдруг отвлекся Давид и пригляделся к кухне, — это что, кот?

— Кот, — меланхолично парировала Эмилия.

— И давно он у вас живет?

— Полчаса.

Давид захлопал длинными смоляными ресницами в недоумении.

— И как его зовут?

Эмилия повернула голову в сторону облизывающего свои лапки животного. Он был чернее ночи, шерстка была хоть и короткая, но лоснилась и выглядела довольно чисто и ухоженно, однако отсутствие ошейника и поцарапанное ухо давали понять, что кот все же уличный.

— Сосиска.

— Кот Сосиска? — усмехнулся Давид и подошел ближе к животному. Раздалось довольное мурчание, когда рука юноши скользнула от шерстяной макушки к спине. — Это потому что он слопал все сосиски? Дай угадаю, а сама ты ела примерно... — Давид наигранно задумался. — Полвека назад?

— Ну, Кирилл заходит, покупает еду, — постаралась выкрутиться Эмилия.

— Эх ты, горе ходячее. А спать ты пробовала?

— Ну, — снова протянула девушка, — я дремала.

Она не хотела рассказывать другу о своих кошмарах, что мешают ей спать. Не потому что не доверяла ему, ей было тяжело говорить об этом вслух, как и обо всем минувшем ранее. Давид это понимал, он чувствовал, поэтому старательно обходил все уязвимые темы стороной, продолжая поглаживать Сосиску.

— Ты же не бросишь меня?

Рука остановила поглаживание и замерла в воздухе. Спустя пару секунд Давид медленно повернул голову в сторону подруги, что неуверенно мялась на месте, и будто бы про себя спрашивал, не послышалось ли ему?

— Пообещай, что не бросишь меня, — снова повторила Эмилия, со всей надеждой глядя в округленные глаза своего друга.

— Конечно же, я тебя никогда не брошу, ты чего, — вдруг ожил парень и переместился ближе к Эмилии. Робко приобняв ее за исхудалые плечи, продолжил: — Помнишь, мы же с тобой плечом к плечу, до конца.

— До конца, — повторила Эмилия, и уголок ее губ подтянулся кверху.

— А пока я настаиваю обмыть появление Сосиски горячим кофе!

Через десять минут двое друзей уже расположились на кухне, напугав бедного кота, поэтому он был вынужден спрятаться где-то под столом. Давид уместился на барном стуле, крутя в руках сочное яблоко, по-хозяйски найденное не в таком уж и пустом холодильнике Глацких, пока Эмилия передвигала свое вялое тело вдоль столешницы в попытках приготовить другу кофе. Впервые за долгое время она смогла уловить толику уюта в окружающей ее обстановке: полоска света уже разрослась на паркете, так как Давид деловито раздвинул шторы, забывшие запах сигаретного дыма, а электрический чайник шумел и потрескивал в тишине.

— Тебе разрешили жить одной? — разрезал молчание первым Давид и наконец куснул измученное в ладонях яблоко.

— Практически, Кирилл мой попечитель.

Давид прекрасно знал, в каких отношениях находились брат и сестра, поэтому не понимал, радостная это новость или наоборот. Заводить тему о родителях он не хотел, поэтому в тишине продолжил ждать свой кофе. А за окном уже проезжали первые автомобили: кто отвозил в школу детей, кто торопился на работу, оставляя позади себя лишь шум мотора и выхлоп. В промежутках слышалось пение утренних птиц, почувствовавших первые солнечные лучи.

Когда одна кружка наполнилась дымящимся кофе, а вторая — имбирным чаем, из коридора послышался хлопок двери, а затем и топот шагов. Эмилия с ходу узнала эти шаги — Кирилл. Трезвый.

— Всем доброе утро, — удивленно поприветствовал он, как только увидел неожиданную картину перед собой.

И он даже не знал, что его поражало больше: гость, выход Эмили из комнаты или наличие кота в их доме.

— Доброе утро, — в унисон ответили Эмилия и Давид, практически не отрываясь от кружек.

— Я думал, что приготовлю завтрак и буду пробовать достучаться до Эмили, но, ёпта, какая радость, — улыбнулся он, казалось, искренне, наблюдая перед собой спустившуюся спустя пару недель сестру. — Может, и меня крепким кофе угостите? Посижу с вами и снова умотаю на работу.

— Почему снова? — выловила для себя вопрос из рассказа брата Эмилия, наливая в свободную кружку растворимый кофе.

— На колыме был в ночную, — поделился парень, попутно зевая. По лицу Кирилла было заметно, что он не успевает не только отдыхать, но и спать. А последствия ежедневных вскрытий банок пива только усугубляли ситуацию. Он закинул ногу на ногу, нервно ей потрясывая. — Ухожу на работу к восьми, возвращаюсь к Дашке в семь, ужинаю и снова на работу. Пашу, как ишак.

— Так зачем тебе ночные? — спросил Давид. — Тебе одному много денег и не надо, увольняйся.

— Ерунду не спрашивай. — Кирилл нахмурился. — А Дашка? Я один в семье работаю. Нужно делать деньги, к тому же, теперь я должен обеспечивать и Эмилию. Хочу, чтобы сестренка себе что-нибудь купила, — вдруг смягчился он, но девичье сердце оставалось ледяным. — Надо чаще куда-то ходить вместе, мы же семья.

Эмилия безмолвно смотрела на Кирилла с другого края стола, а в голове крутились те самые две тысячи рублей, что он занял у нее с первой ее зарплаты якобы для родителей. Он их так и не вернул, что уж говорить о каких-то подарках. И сейчас она делала вид, словно не замечает, как он пользуется ее банковской картой, постепенно тратя ежемесячные выплаты по утрате родителей. Общее горе сближает. Но эта чрезмерная, притворная забота – Эмилия чуяла ее за версту. И Кирилл, не успев сепарироваться от матери, после ее кончины перевел свое внимание на сестру, чтобы хоть кем-то заткнуть зияющую дыру в ответственности за свою жизнь.

— Даша тоже работает. Разве нет? — монотонно, все также безынтересно спросила Эмилия.

— Ну вообще... — замялся Кирилл и как-то подозрительно заулыбался, утыкая взгляд серо-голубых глаз себе в колени. — Если один человек ушел, значит нужно прийти новому. Я не хотел пока никому говорить, но скоро я стану папой! Прикиньте, у нас с Дашей будет малой.

На фоне были слышны приглушенные поздравления Давида, а дальше – белый шум. Эмилия не знала, что с ней происходит. Но радости за брата она не испытывала, ей наоборот стало очень жаль. Жаль еще неродившегося ребенка. Человечка, у которого не будет права выбора. Как и не было у Эмили, когда она воспитывалась в своей семье в бедности и череде нескончаемых пьянок и ругани. Девушка находилась в ужасе от осознания, что Кирилл и Дарья собираются стать родителями, ведь это не иначе, как повторение сценария. Праздник и танцы на костях.

Лицо Эмили зачесалось. От нервоза девушка оставила на нем отросшими ногтями алые полосы в попытках избавиться от ощущений. Кирилла вовсе не смутило отсутствие реакции своей сестры на его новость, а Давид уже успел смутиться, так как кроме собственных поздравлений больше ничьих не услышал. Эмилия готова была расплакаться, но вовремя пришла в себя и просто молча выскочила из-за стола. Обескуражив всех, в том числе проскользнувшего мимо ее ног кота, она помчалась вверх по лестнице, чувствуя взявшийся из ниоткуда прилив

сил. Единственным пожеланием своему брату, не слетевшим с ее губ, было лишь пожелание выкидыша.

Эмилия не знала, откуда в ней столько ярости и чувства несправедливости, но она старалась как можно быстрее забежать в свою комнату, чтобы успокоиться. Она плюхнулась на кровать и со всей силы сжала в кулаках простыни, стараясь так прожить злость. Когда тонкие пальцы ослабили хватку, а складки постельного белья принялись разглаживаться, щеко́та своей текстурой ладони девушки, после недолгого стука в проеме дверей показался Давид. Когда их взгляды встретились, на его лице показалась улыбка поддержки. Эмилия похлопала по месту рядом с собой, не прекращая зарываться в простыни. Пару шагов, и кровать прогнулась под весом еще одного тела.

— Кирилл ушел на работу, — констатировал Давид и лег рядом. — Кот заснул на диване.

Эмилия кивнула и в уме поблагодарила Давида за то, что он не продолжает тему разговора, промчавшегося по кухне несколькими минутами ранее. Парень разглядывал прыгающих по потолку солнечных зайчиков от чего-то на улице, а Эмилия разглядывала свои пальцы, перебирающие край одеяла.

— Рано или поздно кто-то из нас уйдет первым, — почти шепотом сказала она, оставляя после фразы лишь шелест накрахмаленных подушек. Эмилия медленно повернулась лицом к своему другу, что лежал неподвижно, слушал ее и пронзал взглядом серый потолок. — Если это буду я, то я хочу, чтобы мое тело пустили на органы нуждающимся людям, а оставшееся тело кремировали и смешали с семенами. Как думаешь, из меня могло бы вырасти достойное дерево?

Давид молчал несколько секунд, принимая в серьезности вопрос своей подруги.

— Мне кажется, из тебя бы выросло отличное вишневое дерево.

— Почему? — по-детски спросила Эмилия, устраиваясь в своей постели поудобнее.

Все ее внимание уже было направлено на статный профиль парня. Он нахмурился, и его нос с горбинкой слегка вздернулся. Волосы его, — темная волна, разбившаяся о виски, — беспорядочно упали на лоб. Будто ветер рока прошелся по ним, оставив легкий беспорядок, в котором скрывалась свобода и упрямство юношеской натуры. Тишина приятно убаюкивала, и от этого обоим хотелось говорить как можно тише.

— Вишневое дерево — символ возрождения и обновления. Мне кажется, ты бы этого очень хотела.

Эмилия приняла ответ Давида, и подушки вновь зашелестели, когда она укладывалась на спину, чтобы составить компанию в разглядывании потолка своему другу.

— Когда меня не станет, я хочу, чтобы на мою могилу вылили бутылку джина. Чтобы черви, насытившись землей, могли с гордостью и благодарностью закусить моей плотью, — ответно сказал Давид, и теперь была его очередь разглядывать профиль Эмилии.

— Очень благородно по отношению к природе, — с доброй ухмылкой сказала она.

Давид разглядывал аккуратный, вздернутый нос Эмилии, по нему словно скатывалась, как с детской горки, россыпь едва заметных веснушек, что вскоре пропадут с фарфорового лица на теплую южную зиму. Ее тонкие, покусанные от нервов губы, что расплывались в краткой улыбке до появления легких ямок на осунувшихся щеках. И серые, будто небо перед грозой, глаза в ореоле длинных ресниц. Они заборами обрамляли веко, что уже тянуло вниз невидимой тяжестью, намекая на долгое отсутствие здорового сна у Эмилии. Так девушка и прикрыла глаза, в полной тишине, когда даже сердцебиение казалось слишком громким, своей расслабленной рукой едва касаясь бедра Давида, облаченного в джинсу. Парню не хотелось тревожить свою подругу, поэтому он даже не шевелился. Единственное, то вздымалась, то опускалась его грудь от ровного дыхания. И рука его непроизвольно, словно под оковами чьей-то магии, потянулась к открытой ладони Эмилии. Но так и не коснулась ее.

И когда сопение было слышно на всю комнату, Давид написал Эмилиии записку с напоминанием покушать, налил коту воды в чашку и с саднящим в груди чувством покинул дом.

Глава 9

На припорошенной белы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.